

КОНФЛИКТЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

КУРС ЛЕКЦИЙ

- Соответствует Государственному образовательному стандарту
- Обобщает и систематизирует отечественный и зарубежный опыт исследования конфликтов в России
- Содержит вопросы для самоконтроля

Коллектив авторов
**Конфликты в условиях
трансформации современного
российского общества. Курс лекций**
Серия «Учебная литература для вузов (ВНУ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11830973

*Конфликты в условиях трансформации современного российского общества. Курс лекций: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9775-3517-5*

Аннотация

Учебное пособие соответствует Государственному образовательному стандарту по направлению «Конфликтология» и состоит из лекций, в которых раскрываются теоретико-методологические подходы к рассматриваемому в них предмету. Под углом зрения разных интерпретаций раскрывается специфика российской конфликтной динамики. В заключении каждой из лекций приведены вопросы для самоконтроля и рекомендуемая литература, в конце книги – глоссарий, содержащий основные термины и понятия.

Для студентов, аспирантов, преподавателей и широкого круга читателей.

Содержание

Введение	5
Лекция 1	8
Сущность и предметное поле социального конфликта	8
Основные компоненты конфликта	16
Динамика конфликта	21
Вопросы для самоконтроля	25
Литература	26
Основная	26
Дополнительная	26
Лекция 2	27
Внутренняя структура понятия «конфликт»	27
Конфликт как система внутренних элементов негативного способа взаимодействия	34
Эвристический потенциал структурно-системного анализа конфликта	42
Вопросы для самоконтроля	45
Литература	46
Основная	46
Дополнительная	46
Лекция 3	48
Основные стратегии подходов к анализу социальных изменений	48
Понятие, типы и основные элементы социальных изменений	51
Конфликтная концепция социальных изменений	56
Вопросы для самоконтроля	63
Литература	64
Основная	64
Дополнительная	64
Лекция 4	66
Консервативные концепции разрешения социально- политических конфликтов	67
Конфликтология российского радикализма	70
Российская конфликтогенность в либеральной парадигме	74
Вопросы для самоконтроля	77
Литература	78
Основная	78
Дополнительная	78
Лекция 5	79
Понятие социальной трансформации. Основные подходы к исследованию посткоммунистических трансформаций	79
Функциональная роль конфликтов как механизма трансформации. Теории болезненности посткоммунистических трансформаций	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Конфликты в условиях трансформации современного российского общества. Курс лекций Под редакцией А. В. Алейникова, А. И. Стребкова

Посвящается безвременно ушедшему из жизни Алдаганову Мусе Магометовичу, кандидату философских наук, доценту кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета, стоявшему у истоков и внесшего неоценимый вклад в становление российской образовательной программы по конфликтологии, чье сердце билось в унисон с нашим беспокойным временем, а голова работала над конструированием общества без конфликтов.

Рекомендовано УМО в области инновационных междисциплинарных образовательных программ в качестве учебного пособия по направлению 034000 «Конфликтология»

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Ю. В. Косов, д-р филос. наук, проф., завкафедрой международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
А. В. Макарин, д-р социол. наук, проф. кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета

© Издательство «БХВ-Петербург», 2015

Введение

Анализ политических и социально-экономических процессов трансформации в современной России находится в центре внимания исследователей и экспертов в разных областях социогуманитарного знания. Главным является не только задача объяснения российских социальных изменений, но и прогноз и моделирование контуров будущего. При этом каждый исследователь процессов трансформации использует свой методологический ключ. Теоретическое осмысление в рамках концептуальных моделей конфликтологии позволяет, фиксируя существенные характеристики современной политико-экономической системы России, избежать как русоцентричного самолюбования, так и западного мондиализма, отрицающего своеобразный путь обретения Россией новой идентичности.

Процессы социальных трансформаций многоплановы и полиаспектны и представляют, говоря словами Р. Коллинза, «запутанный многосторонний процесс конфликта на нескольких фронтах».¹ Конфликтологическое измерение процессов трансформации, анализ конфликтной динамики в последние годы играет все более заметную роль в объяснении многомерных процессов развития российского общества. Вслед за Р. Дарендорфом, утверждающим, что «необходима как равновесная, так и конфликтная модель общества; и может быть, в философском анализе у человеческого общества всегда два лица, наделенных одинаковой реальностью: одно лицо стабильности, гармонии и консенсуса, а другое – изменения, конфликта и принуждения»,² авторы исходят из того, что конфликты связаны с долговременными процессами, обладают определенной инерционностью и не могут быть прекращены «по повелению власти». Очевидно, что конфликтная модель общества определяется структурным контекстом, социальной средой, может и должна быть представлена как сложное переплетение всей совокупности национального институционального дизайна контекста во всем своеобразии.

Конфликтология – сравнительно молодая наука, значение которой сегодня нельзя недооценивать. Преподавание конфликтологии в России исчисляется несколькими годами. И все-таки она стала заметной наукой об обществе и человеке, причинах и отрицательных следствиях функционирования господствующих отношений в современном российском обществе.

Конфликтология предстает завершенной наукой теоретически осмысливающей причины конфликта, устойчивые конфликтные связи на различных уровнях взаимодействия и предлагающей как устоявшиеся способы предупреждения и разрешения конфликта и поддержания мира, так и вырабатывает новые, соответствующие тому или иному конкретному конфликту. Значение конфликтологии как теоретико-прикладной науки состоит не только в теоретическом осмыслении негативных способов взаимодействия и открытии причин подобного взаимодействия, но и в проектировании наиболее эффективных способов предупреждения и разрешения конфликтов и поддержания и сохранения мира.

История выработала различные способы предупреждения конфликтов (от изменения условий жизни людей до изменения структуры сознания человека и его психики) и разрешения (от принуждения до добровольного усвоения условий положительного взаимодействия). Поэтому можно постулировать междисциплинарность конфликтологии, не сводя ее суть к осмыслению конфликта методами и способами, накопленными в различных отраслях социогуманитарного знания.

---

¹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – С. 101.

² Дарендорф Р. Тропы из утопии. – М.: Праксис, 2002. – С. 358.

Конфликтология была объективно востребована логикой и новым содержанием социальных процессов и потребностью в качественно новой парадигме интерпретации их сущности и закономерностей. Теперь уже научный анализ социальных конфликтов, выявление их реальной природы, содержания, функций, их значения в осуществлении жизненных процессов, развитии социальных структур и общества в целом формируют качественно новые подходы познавательного отношения к сложности социальных процессов, моделируют новые образы восприятия и интерпретации противоречий многомерных явлений общественного функционирования и развития. Социальные противоречия, а также деятельность индивида и социума в целом, направленные на их разрешение, оказываются доступными для познания не только в своих всеобщих сущностных основаниях, но и в последовательном алгоритме их проявлений, в их основных локальных и динамических характеристиках.

Широкий междисциплинарный характер конфликтологии обусловил не только особую структуру и язык самой науки, но и технологию и методику организации учебного процесса. В реализации образовательной программы в Санкт-Петербургском государственном университете принимают участие специалисты различных отраслей знания – философии, социологии, экономики, юриспруденции, истории, политологии, геоэкологии, психологии. В основу этой книги, являющейся результатом обобщения опыта преподавания, положен российский контекст лекционных курсов, читаемых авторами студентам Института философии СПбГУ по направлению «Конфликтология».

Задачами курса авторы считают:

- освоение студентами принятого в современной конфликтологической науке теоретического инструментария, позволяющего объяснить логику общественно-политической трансформации постсоветской России;
- обосновать (на примере России) представление о посткоммунистической трансформации как конфликтном процессе и определить политические, философские, географические, антропологические и культурные основания эволюционных и скачкообразных революционных изменений как результата конфликтного взаимодействия движущих сил, различающихся политическими и социокультурными характеристиками, интересами, статусными и иными ресурсами;
- определить природу, функции и механизмы конфликтного взаимодействия субъектов постсоветской общественно-политической, институциональной и социокультурной трансформации, основные факторы, способствующие и препятствующие режимным изменениям;
- освоение основных теоретических подходов, разработанных в современной конфликтологии, как в России, так и за рубежом, применительно к проблематике социально-экономических изменений, трансформаций и политического развития;
- раскрыть строение и принцип функционирования конфликтного механизма трансформации посткоммунистических обществ и возможности его использования как методологического средства сравнений трансформационных траекторий;
- приобретение навыков самостоятельного поиска и анализа информации, критического и конструктивного отношения к существующим теоретико-методологическим подходам к анализу современных процессов российской модернизации; умения формулировать и отстаивать собственные гипотезы, самостоятельно находить для этого соответствующую аргументацию.

Курс опирается на фундаментальные категории и теоретические построения базовых курсов, развивая и конкретизируя их применительно к конфликтному механизму трансформации общества и его отдельных подсистем. Данный курс рассматривает различные теоретические доктрины под углом зрения проблем политического развития, модернизации и демократизации России, построен на изучении институтов и практик современной российской политики с использованием теоретического и методологического инструментария кон-

фликтологии, совмещая академический и прикладной подходы к анализу модернизационных процессов в современном российском обществе.

В результате освоения курса студенты должны:

• *знать:*

– понятийно-концептуальный аппарат современной конфликтологии в области исследования современного трансформационного процесса в России и других посткоммунистических обществах;

– конфликтную природу современных процессов модернизации, ее предпосылки, характер и движущие силы в специфических национальных средах;

– основные подходы к анализу социальных трансформаций, основные концепции, позволяющие осмысливать конфликтный механизм российского политического развития;

– процессы становления современной российской государственности в новейшей истории, исторической ретроспективе их возникновения и применительно к предмету изучения конфликтологии;

– институциональную структуру и социокультурный контекст системных конфликтов в различных сферах общества России;

• *уметь:*

– использовать корпус фундаментальных конфликтологических знаний на практике;

– оценивать социально-экономические и политические процессы с точки зрения их вписанности в целостный трансформационный процесс и обусловленности его конфликтными механизмами;

– применять теоретические знания для анализа и сценарного прогнозирования современного трансформационного процесса в России;

– находить оптимальные пути регулирования современных системных конфликтов в России;

– самостоятельно и критически оценивать современные политические режимы и их разновидности, политические институты и процессы;

– проводить самостоятельную исследовательскую работу в данной области;

• *владеть:*

– навыками самостоятельного анализа трансформационных процессов и диагностики конфликтных ситуаций, грамотной аргументации своей позиции.

Книга является и новаторской, и экспериментальной одновременно, соединяя мировой опыт и традиции конфликтологии с авторским видением специфики отношений, институтов и процессов в современной трансформирующейся России, что позволяет получить объемное и целостное представление об особенностях российской конфликтной динамики. Структура книги отражает видение авторами ключевых конфликтологических проблем социально-политического развития современного российского общества, их истоков, состояния и тенденций и представляет собой определенный шаг в сторону формирования целостной теории конфликтологического измерения хода и результатов общественных перемен в нашей стране.

Авторами лекций являются канд. социол. наук, доц. Абгаджав Д. А. (лекции 1, 9), канд. экон. наук Абдуллаев Н. В. (лекция 8), д-р филос. наук Алейников А. В. (введение, лекции 3, 5–7), д-р полит. наук Газимагомедов Г. Г. (лекция 11), канд. полит. наук Давыдов Л. В. (лекция 2), д-р социол. наук, проф. Исаев Б. А. (лекции 13–15), д-р филос. наук, доц. Кузнецов Н. В. (лекция 12), д-р филос. наук, проф. Осипов И. Д. (лекция 4), канд. полит. наук, доц. Пинкевич А. Г. (лекции 1, 10), д-р полит. наук, проф. Стребков А. И. (введение, лекции 2, 11), Сунами А. Н. (лекции 12, 16).

Лекция 1

Методологические основы исследования конфликта

Сущность и предметное поле социального конфликта

Одной из самых актуальных проблем общественно-научного знания является социальный конфликт во всех своих разновидностях, измерениях и аспектах. Анализ конфликта с целью выявления его сущностных параметров предполагает, прежде всего, обращение к наиболее характерным дефинициям конфликта, отражающим различия существующих подходов. Одно из наиболее популярных и часто цитируемых определений конфликта принадлежит выдающемуся американскому социологу Л. Козеру. По мнению исследователя, социальный конфликт – это борьба за ценности и притензии на определенный статус, власть и ресурсы, борьба, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника. В данном определении конфликта социолог акцентирует внимание на активности, на предмете конфликта и на направленности действий против соперника. В других случаях Л. Козер указывает и на негативный эмоциональный фон, присутствующий в настроениях действующих субъектов конфликта.

Анализ отечественной обществоведческой литературы выявляет в качестве ведущего содержания конфликта противоречие. Так, например, А. В. Дмитриев отмечает, что конфликт – это проявление объективных или субъективных противоречий, выражающихся в противоборстве сторон.

Один из зачинателей отечественной конфликтологии Е. И. Степанов считает, что конфликт – это активное противоречие. Известный белорусский ученый Е. М. Бабосов, пытаясь суммировать наиболее существенные свойства и признаки конфликта в предложенных большинством авторов дефинициях конфликта, определяет конфликт как предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами, различными социальными общностями, направленной на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его интересов.

Близкое к указанным позициям понимание конфликта предлагают А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов, которые вводят в свое определение психологический аспект. Исследователи понимают под социальным конфликтом наиболее острый способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу.

Таким образом, многие отечественные исследователи считают, что поскольку конфликтующие субъекты вступают в противоборство между собой ради разрешения, возникшего между ними противоречия, то, следовательно, социальный конфликт может быть определен как разрешаемое социальное противоречие.

Связь конфликта с противоречием не вызывает сомнений, однако необходимо учитывать, что данное замечание верно только отчасти. Адекватное понимание социального противоречия включает характеристику его как двустороннего отношения, т. е. отношения взаимного проникновения (взаимополагания) и взаимоисключения противоположностей в едином целом, взаимосвязь противоположностей. Рассматривая реально существующие, а

не абстрактные противоречия, мы обнаружим как моменты некоего неразделимого целого, так и взаимоисключающие противоположности. Например, взаимосвязь власти и общества предполагает взаимоисключения. Власть – не предмет, которым можно обладать, это всегда взаимодействие, характеризующееся отношениями господства и подчинения. Это значит, что субъект власти не может существовать без объекта, равно как и объект не может существовать без субъекта. Всегда там, где есть господство, есть не только подчинение, но и сопротивление.

Конфликт и противоречие взаимосвязаны, но не тождественны друг другу. Противоречие суть результат существования в некотором целом противоположностей. Противоречие существует только в силу того, что основным способом соединения противоположностей является конфликт. Еще Гераклит писал, что только в борьбе противоположности соединяются.

Становление мира невозможно без борьбы, ибо единство, которое мы наблюдаем, достигается в результате различия. Единства не было бы, не будь противоположностей, которые сочетаются посредством борьбы, конфликта.

Социальное противоречие – это форма существования противоположностей, а конфликт – способ их взаимодействия. Отождествление противоречия с конфликтом означает не что иное, как сведение к единому, действующее с типом или способом его действия.

Кроме того, социальное противоречие как отношение может проявиться двояко: не только в виде противоборства, но и в виде совместных действий и отношений. Наличие в основании конфликта объективных (неосознанных, латентных) или субъективных (осознанных, а также искаженных, т. е. вытекающих из неадекватного восприятия реальности) противоречий, не означает того факта, что конфликт является обязательной и неизбежной стадией развития социального противоречия, поскольку возможны и бесконфликтные формы разрешения социального противоречия.

Осознанность актуальных противоречий социальными акторами также не свидетельствует о безусловной готовности и способности вступления в конфликт.

Социальные противоречия, проявляющиеся в различных сферах жизнедеятельности общества, могут породить конфликт, который в процессе развития способен приобрести относительную самостоятельность по отношению к породившей его проблеме. В результате конфликта противоречие, породившее его, может разрешиться, в то время как противоборство еще продолжается. Возможны и обратные ситуации – конфликт завершен, а противоречие не разрешено, т. е. проблема приобретает латентный характер. В свою очередь, конфликты (хронические или подавленные) также могут способствовать возникновению противоречий.

Специфика исследования конфликтов заключается в сложности выявления закономерностей зарождения и функционирования, скрывающихся за их явной стороной. Выявление обостряющихся социальных противоречий и тенденций их развития создают основу для конструктивного воздействия на конфликт. При этом анализ объективных оснований социального конфликта не должен заслонять субъективных составляющих противоборства. В этой связи необходимо помнить, что социальное противоречие проявляет себя тогда, когда начинают действовать субъекты-носители этого противоречия. Зарождение и развитие, а также возможности конструктивного управления конфликтом зависят, в меньшей степени, от субъективного восприятия ситуации и субъективных действий участников противодействия. Субъекты конфликта имеют в своем сознании его идеальный образ. Поэтому понимание причин конфликта и механизма его разрешения может быть у субъектов конфликта различным.

«Истинное» или «ложное» понимание причин конфликта, предрассудки и традиции, стереотипы конфликтного поведения оказывают существенное влияние как на динамику

конфликта, так и на способы его разрешения, поэтому при анализе конфликта необходимо учитывать диалектику взаимодействия объективной и субъективной составляющих сторон конфликта.

Любое противоречие суть диалектическое взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций, процессов, которые вместе с тем взаимообуславливают и взаимоопределяют друг друга, находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении в рамках определенного целого. Если говорить об обществе, то единство, наблюдаемое здесь, относительно и предстает перед нами как динамическое и противоречивое взаимодействие социальных акторов, обладающих потребностями и интересами. Наличие данного единства (пусть даже и относительного) и является основанием для возможного регулирования социальных коллизий.

Если в отечественной научной литературе в качестве сущностной характеристики конфликта выделяется противоречие, то в зарубежных исследованиях специфика конфликтного взаимодействия раскрывается посредством введения понятия «конкуренция». Так, по мнению известного американского исследователя, автора «общей теории конфликта» К. Боулдинга, конкуренция – это отношения сторон, когда их любые потенциальные позиции взаимно несовместимы. Для американского исследователя конкуренция – это базовое понятие, играющее ключевую роль в понимании социальных коллизий. Понятие конкуренции шире понятия конфликта. Конфликт – это частный случай проявления конкуренции. В итоге Боулдинг определяет конфликт как конкурентную ситуацию, в которой стороны признают несовместимость своих позиций и каждая стремится занять позицию, несовместимую с желанием другой стороны.

Отличительной чертой конфликтной ситуации является то, что здесь должны непременно присутствовать и осведомленность сторон, и несовместимость их желаний и целей. Таким образом, с точки зрения Боулдинга, конфликт и конкуренция как социальные явления весьма схожи друг с другом, а главное их отличие – в степени осознанности. В случае конфликта стороны осознают несовместимость настоящих или будущих потенциальных позиций (или состояний) и каждая сторона стремится занять позицию, несовместимую со стремлением другой.

Однако не все исследователи полагают, что степень осознанности является ключевым моментом в определении конфликта. Так, например, известный отечественный социолог и философ М. Н. Руткевич выдвигает ряд аргументов против такого понимания. Если сравнивать людей и представителей животного мира, то можно обнаружить, что деятельность первых отличается от активности вторых наличием сознания и воли. В этом отношении, по мнению философа, уместно в определении конфликта, как вида деятельности, указать на осознанный характер интересов и действий.³ Более пристальный анализ конкретной ситуации с неизбежностью выявит наличие различных объективных, не зависящих от сознания участников конфликта, условий существования, определяющих их интересы. Объективные противоречия, складывающиеся между нациями, классами, группами, индивидами, определяются, прежде всего, различием их места в системе экономических отношений. В течение определенного времени эти противоречия могут не осознаваться, более того, осознание далеко не всегда означает готовность к вступлению в противоборство. Так, например, раб может осознавать себя рабом, не пытаясь при этом изменить свое рабское состояние.

Подобную позицию высказывает Э. Гидденс. Социолог считает, что осознание характера противоречий не ведет с неизбежностью к социальным переменам. К. Маркс утвер-

---

³ Действия акторов всегда в той или иной степени осмысленны, ибо они действуют не в бреду или в сомнамбулическом состоянии. В этом отношении всякое действие будет осознанно. Именно по этой причине употребление этологами, зоопсихологами и даже рядом конфликтологов термина «конфликт» (зооконфликт) применительно к схваткам среди животных представляется метафорическим.

ждал, что по мере того как представители рабочего класса постигают противоречивый характер капиталистического производства, они мобилизуют свои силы, дабы изменить его. Однако, считает Гидденс, Маркс не предусмотрел возможности того, что господствующие в обществе группы могут овладеть достаточными представлениями о системе, чтобы в какой-то мере стабилизировать ее. Именно с этим связана возрастающая роль государства, которое не просто находится в тисках первичных противоречий, а стремится к контролю над условиями воспроизводства системы, сводя к минимуму возможные конфликты [8, с. 128–134].

Возражения иного рода, относительно осознанности противоречий и интересов, вызывают также конфликты, имеющие аффективную природу. Некоторые теории социальных наук исходят из того, что для достижения целей люди действуют рационально. Явно или неявно, но такая упрощенная концепция человеческой природы формирует определенное основание для объяснений исторических процессов и социальных явлений. Человек максимизирует полезность, удовольствие или борется за власть, безопасность, равенство, гармонию или социальную общину и т. д. Такого рода подходы слишком однозначно и прямолинейно объясняют процессы возникновения и развития конфликтов. Во-первых, действия людей иногда невозможно объяснить в терминах рационального поведения в достижении целей. С точки зрения такого понимания, рациональность сводится к калькуляции выгод и издержек. В реальности же в условиях проблемных ситуаций проявляется так называемая «ограниченная рациональность». Последняя означает, что из-за ограниченности когнитивных способностей человека или сложности ситуаций социальные акторы не всегда могут увидеть все альтернативные варианты действий. В результате социальные акторы, как правило, предпочитают рассматривать только ближайшее разрешение ситуации или выбирают рутинные решения, апробированные ранее. И, во-вторых, человеческое побуждение – это динамическое явление, которое изменяется согласно контексту «жизненного мира» и в соответствии с уровнем развития культур и уровнем психологического развития индивидов.

Точка зрения К. Боулдинга о соотношении конкуренции и конфликта практически совпадает с позицией Р. Э. Парка. Парк рассматривает конкуренцию как борьбу между индивидами или группами индивидов, которые не находятся обязательно в контакте или в коммуникации, а конфликт – это такое состязание, в котором контакт является необходимым условием. Парк также выделяет в качестве важнейшего элемента степень осознанности взаимодействия. Конфликт вызывает самые глубокие эмоции и самые сильные страсти, он мобилизует огромную концентрацию внимания и усилий. Сходство этих типов взаимодействия заключается в том, считает Парк, что они являются формами борьбы. Различие – конкуренция непрерывна и безлична, а конфликт носит временный и личностный характер. Таким образом, исследователи, отмечая некоторое сходство между конфликтом и конкуренцией, тем не менее, пытаются их разграничить.

Конфликт – весьма сложное явление, и нередко ситуации, при которых противостояние может быть и неосознанным. Так, например, Р. Дарендорф считает, что для конфликтных взаимодействий степень осознания противоречий не столь важна, поскольку социальные конфликты могут быть как осознанными, так и неосознанными. Собственно данный критерий и был положен им в основу классификации условий социальных конфликтов – объективные (латентные, неосознанные) и субъективные (открытые, осознанные). Дарендорф признает наличие потенциального и латентного конфликта, последний из которых при определенных условиях актуализируется.

По мнению Дарендорфа, критерием разграничения конфликта и конкуренции оказывается различный характер поведения. Конкуренция – это такое противостояние, при котором социальные субъекты независимо друг от друга прилагают усилия на пути реализации своих целей. Конфликт, в этой связи, предстает перед нами как противостояние социальных акторов, поведение которых направлено друг против друга. Похожую точку зрения высказывает

польский философ Т. Котарбинский, рассматривающий конкуренцию и конфликт в рамках негативного взаимодействия. Конкуренция (соревнование) – это такая форма негативного взаимодействия, при которой стороны не препятствуют (в объективном или субъективном смысле) друг другу. Препятствование, считает польский философ, ограничивается тем, что каждая из сторон стремится достигнуть определенного свойства на более высоком уровне, чем другая (например, скорость бега, высота прыжка, художественный уровень исполнения произведения, цена продаваемого товара и т. д.). Таким образом, при соревновании как таковом нет ни стеснения движения противника, ни нанесения повреждения ему, ни различных других способов препятствования, практикуемых при конфликтах. Конкуренция предполагает параллельные устремления, а конфликт – вовлеченность, вмешательство сторон в дела друг друга. Критический потенциал представленной позиции заключается в том, что понятие «конкуренция» предполагает конкурентную борьбу. Конкуренция и конкурентная борьба – это тождественные понятия, а борьба предусматривает такую форму взаимодействия, когда стороны направляют свои усилия друг против друга.

Существует и другая точка зрения на соотношение конкуренции и конфликта. Так, американский исследователь А. Рапопорт считает, что родовым понятием для этих двух феноменов является борьба. Различие между конкуренцией и конфликтом лишь в форме проявления борьбы. Таким образом, конкуренция – это форма узаконенной борьбы, которая регламентируется определенными правилами. Конкуренция высокой степени интенсивности может трансформироваться в конфликт. Иначе говоря, конфликт предполагает нарушение нормы, противозаконные действия. И в случае с конкуренцией, и в случае с конфликтом смысл действий субъектов взаимодействия один и тот же – реализовать свои цели и воспрепятствовать достижению целей противников.

Таким образом, между конфликтом и конкуренцией нет существенных различий. Они дополняют друг друга, плавно переходят друг в друга, но никогда друг друга не покидают. При конкуренции борьба контролируется со стороны государства и общества и приобретает цивилизованную форму, в то время как конфликт не институционализирован. Говоря словами отечественного исследователя Л. В. Давыдова, конкуренция – это официально признанный конфликт.

Рассматривая конфликт как способ взаимодействия, при котором борьба является корневым определением, необходимо отметить, что понимается под борьбой. Так, известный русский социолог Ю. Делевский под конфликтом понимает не просто борьбу за существование, а борьбу за интересы, которые выражают условия существования человека. В основе данной борьбы лежит антагонизм, под которым следует понимать состояние двух сил. Каждая из этих сил при некоторых условиях стремится произвести действие, в некоем отношении противоположное тому, которое стремится произвести другая сила. Отсюда Делевский делает вывод о том, что борьба – это такое состояние двух антагонистических сил, при котором каждая в действительности производит результат, в некоем отношении противоположный тому, который производит другая. Например, решение руководителя и неисполнение этого решения. Здесь можно говорить о неподчинении требованиям или норме в рамках того или иного объединения. Неверное исполнение или отказ от исполнения есть способы борьбы. Однако следует понимать, что данная ситуация не является свидетельством того, что актер вступил в конфликт. Конфликт и борьба – не тождественные категории. Конфликт отражает активные, а не пассивные способы борьбы. Он должен проявить себя не в простом завершении акта неисполнения, а в ответных мерах руководителя, накладывающего негативные санкции.

При анализе социальных коллизий необходимо учитывать, что борьба между актерами при благоприятных условиях, т. е. когда имеются возможности получения выгод (социальных, экономических, политических и т. д.) для всех или для многих, может вестись в инсти-

туционализированных рамках, т. е. в форме конкуренции. Однако при неблагоприятных социальных обстоятельствах, когда приходится перераспределять не выгоды, но издержки, в большей степени начинает проявляться конфликтность. В таких условиях акторы стремятся насколько возможно уменьшить свою долю издержек и взвалить ее на других. В острых кризисных ситуациях издержки неизбежны для всех, но какая доля потерь придется на каждого, зависит от возможностей враждующих сторон в конфликте.

Общество всегда есть результат перемирия особого рода, основанного на некотором согласовании интересов и потребностей социальных акторов. Такое положение вещей собственно и создает основания для интеграции акторов, в противном случае при несовпадении интересов и потребностей социальных акторов намечаются различия, т. е. возникает конфликт. Последний свидетельствует о восприятии ситуации, как ситуации, в которой есть ограничения для удовлетворения потребностей. Это не значит, что объединение надо разрушить, а только то, что в объединении намечается раскол. Конфликты помогают выявить и согласовать взаимные действия и цели. При невозможности этого (конфликты в объединении не легитимизированы, не могут проявиться, подавляются и т. д.) назревает кризис, который свидетельствует об объективной невозможности существования данного объединения в том виде, в котором оно существовало до сих пор.

Подавление конфликта, отсутствие возможности его своевременного регулирования или решения генерирует процесс накопления негативного конфликтного потенциала. В качестве негативного потенциала может выступить, например, углубляющаяся социальная дифференциация, концентрация богатства на одном полюсе, а на другом – бедности, политика дискриминации субординированных групп и т. п. С одной стороны, высокоресурсные группы закрепляют и повышают свой высокий статус, а с другой – представители низкоресурсных групп оказываются главными кандидатами на углубление депривации или накопление неблагоприятных социальных обстоятельств. В конечном итоге, кумулятивный характер этого процесса приводит к тому, что объединение оказывается перед лицом кризиса, свидетельствующего об отсутствии объединяющих признаков и интересов. Таким образом, складывается ситуация, при которой существование данного объединения на прежних основаниях невозможно. Один из ведущих отечественных конфликтологов А. И. Стребков, рассматривающий конфликт как негативную форму взаимодействия, отмечает, что кризис – это результат потери или ослабления единства в объединении, а конфликт – это усиление различий или воспроизводство различий в том же объединении. По мнению исследователя, кризис отражает объективную сторону потери единства во взаимодействии, конфликт – субъективную. Понятие конфликта указывает на то, что в процессе движения индивида к своим потребностям он на своем пути встречает противодействия. Противодействия тем сильнее, чем сильнее представлено социальное различие индивидов. Процесс взаимодействия различающихся между собой индивидов, а так же процесс становления и развития различий охватывается, по мнению исследователя, понятием «конфликт». Понятие «кризис» отражает утрату единства во взаимодействии индивидов, т. е. процесс усиливающегося различия взаимодействующих индивидов превалирует над противоположным процессом усиления единства. Утрата единства во взаимодействии и есть кризис. В свою очередь, утрата единства во взаимодействии влечет за собой усиление различий и тем самым порождает конфликт [9, с. 186–188].

Итак, подводя некоторый итог, можно констатировать наличие большого числа определенных социального конфликта, отражающих его различные грани и свойства, статические и динамические характеристики и т. д. Подобное положение обусловлено рядом причин – это и сложность самого феномена, и неоднозначное понимание детерминант конфликта, специфика авторского подхода к его исследованию и т. д. Необходимо учитывать, что какую бы характеристику конфликта мы ни выделяли в качестве его сущностного основания, ни одно

из определений не способно раскрыть исследуемое явление в полной мере. Конфликт всегда оказывается многообразней и многослойней, чем перечень используемых для его описания признаков. Так, в одной из наиболее удачных работ, посвященных проблеме конфликта, осуществленной известным отечественным исследователем Н. В. Гришиной, отмечается, что широта предметного поля затрудняет корректное определение конфликта, релевантное всем его видам. Тем не менее, определение понятия является важным элементом всякого анализа. Дефиниции не снимают всех вопросов в понимании сущности социального конфликта, но корректно построенное определение задает рамки исследования и должным образом ориентирует или переориентирует мысль.

Конфликт как негативная форма взаимодействия представляет собой совокупность принудительных действий по преодолению устремлений оппонентов и социальной ситуации в целях удовлетворения своих потребностей и носящих утвердительно-отрицательный характер. Негативное взаимодействие, характеризующееся несовпадением целей действующих субъектов, наблюдается, когда одна из сторон стремится нейтрализовать противодействующего ему субъекта либо группу субъектов.

Понимание конфликта как совокупности утвердительно-отрицательных действий субъектов взаимодействия и определение его как негативного взаимодействия было сформулировано известным польским философом, одним из основателей прагматологии Т. Котарбинским. Философ различает положительное (позитивное) взаимодействие и негативное (отрицательное) взаимодействие.⁴ Два субъекта взаимодействуют, если хотя бы один из них помогает или препятствует другому. Положительное взаимодействие складывается тогда, когда субъекты в стремлении к своим целям помогают друг другу своими действиями. При этом возможна ситуация, когда один из субъектов взаимодействия поддерживает какую-то одну из целей действия другого, безразлично или совершенно негативно относясь к другой его цели. Кроме того, человеческое настроение непостоянно, зачастую в одной и той же личности одновременно сосуществуют противоречивые мотивы. В связи с этим всегда есть возможность установления таких отношений, при которых в одно и то же время субъекты взаимодействия некоторыми своими действиями будут помогать друг другу в достижении целей (или цели), а некоторыми – препятствовать. Это случай сосуществования позитивной кооперации с одной точки зрения и негативной кооперации – с другой. Под негативным (или отрицательным) взаимодействием философ понимает такое взаимодействие, при котором субъекты и с точки зрения своих действий, и с точки зрения своих целей действуют антагонистически. Иначе говоря, когда субъекты чинят препятствия друг другу в стремлении к достижению своих целей.

Рассмотрение конфликта как совокупности действий, при котором действие одного субъекта противостоит действию другого, отрицая его и утверждая при этом свое собственное, является наиболее приближенным к реальности. Всякий раз, когда субъект пытается удовлетворить свои потребности, реализовать свои интересы, утвердить свою позицию в рамках тех или иных объединений и встречает определенное сопротивление, как со стороны других социальных субъектов, так и со стороны объективных условий, он вынужден преодолевать возникшие трудности и сопротивление внешних сил (будь то отдельные индивиды, отдельные социальные институты или социополитическая система в целом). Безусловно, удовлетворение потребностей, реализация интересов и целей не обязательно осуществляются конфликтным способом. Однако в условиях, когда удовлетворение конкретной общественной потребности стало для социального актора проблемой (отсутствует позитивное взаимодействие, кооперация между субъектами или при условии возникновения серьезных

---

⁴ Взаимодействие – взаимно увязанные отношения социальных субъектов с точки зрения определенных целей и определенных действий.

препятствий, чинимых со стороны отдельных социальных институтов и систем в целом), возможна манифестация конфликта.

Если рассматривать конфликт как процесс взаимодействия, как совокупность действий, то он всегда приобретает характер утвердительно-отрицательных отношений. Утверждение позиции и интересов одной стороны происходит посредством отрицания позиций и интересов другой – идет ли речь о крупном социальном конфликте или о межличностном противостоянии, манифестирует ли он реальные противоречия или у него неадекватно воспринимаемые основания.

Изучение социального конфликта – весьма сложное дело в силу многогранности данного явления. При всей дискуссионности существующих определений социального конфликта неизменным остается положение о том, что конфликт – это социальное явление. Конфликт вплетен в ткань любого общества, что делает его похожим, хотя бы в общих чертах, на другие явления в силу схожести социальных условий и социальных отношений, в которые он включен как общественное явление. Дальнейший анализ социального конфликта предполагает выявление и исследование составных частей или элементов его структуры. Важность уяснения структурных характеристик конфликта связана с возможностью адекватной интерпретации сущностной природы исследуемого явления, принципов его организации, функционирования и закономерностей проявления.

Основные компоненты конфликта

Изучение конфликта не возможно без анализа элементов, составляющих его структуру. В научной литературе встречаются различные перечни данных элементов, однако можно выделить основные компоненты конфликта. К последним следует отнести конфликтующие стороны, предмет конфликта, влияние внешней среды (микро– и макросреда). Безусловно, различные виды конфликтов обладают особенностями, однако можно выделить общие черты, свойственные им. Прежде чем мы перейдем к анализу указанных элементов, необходимо уточнить, что конфликт – это явление, которое имеет свою динамику, и поэтому отдельные авторы, рассматривая структуру, включают в ее состав и динамические показатели. В данном случае мы будем понимать структуру более узко и обратим наше внимание на статические составляющие конфликта. Далее в следующем разделе мы отдельно рассмотрим динамику конфликта.

Итак, конфликтующие стороны могут обозначаться как субъекты или участники конфликта. Они играют важную роль в формировании конфликта, влияют на его развитие, задают специфику его характеристик. Иногда понятие «субъекты конфликта» трактуется шире, чем конфликтующие стороны. Такой подход основан на том, что не все те, кто вовлечен в конфликт, могут быть отнесены к противоборствующим сторонам. Противоборствующие стороны – это те участники конфликта, которые непосредственно включены в него и предпринимают активные действия в отношении друг друга. Помимо противодействующих сторон А. В. Дмитриев выделяет так же пособников, пассивных свидетелей, подстрекателей и др. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов при анализе участников конфликтов говорят об основных участниках, группах поддержки и тех участниках, которые эпизодически включены в конфликт. К последним, как и А. В. Дмитриев, они относят, например, подстрекателей и организаторов. По мнению К. Боулдинга в качестве сторон конфликта могут выступать индивиды, группы, организации или институты.

При анализе конфликтующих сторон необходимо принимать во внимание такие их характеристики, как количественный и качественный состав, ресурсы сторон, взаимоотношения между ними, уровень организации.

Количественные границы сторон не обязательно четко выражены. Кроме того, это изменяющаяся составляющая. Количество участников может уменьшаться или увеличиваться по мере развития конфликта. Е. И. Степанов утверждает, что при анализе межгрупповых конфликтов логично говорить о мобилизационном потенциале сторон – тех потенциальных участников, которые могут при определенных условиях присоединиться к той или иной стороне конфликта. Определение количественной составляющей сторон конфликта позволяет понять масштаб конфликта. Однако при работе с реальным конфликтом зачастую не так легко оценить, кто же является его участниками и четко идентифицировать отдельные их виды, например, определить инициаторов или организаторов конфликта.

Помимо количественной составляющей так же исследуются качественные характеристики участников конфликта. К качественным составляющим можно отнести типичные формы поведения, систему ценностей, психологические состояния участников. Система ценностей участников и типичные формы поведения задают определенные границы действий, которые могут предпринять представители противоборствующих сторон. Однако это не единственные факторы, влияющие на формирование стратегии и выбор средств реализации поставленных задач. К таким факторам также относят влияние социальной среды, которое мы рассмотрим позже.

Говоря о качественных характеристиках участников конфликта, необходимо учитывать степень их гомогенности или гетерогенности. Например, если представители одной из сто-

рон конфликта разделяют одни и те же ценности, это делает их более сплоченными, и они могут представлять собой более серьезную силу в конфликте. Гетерогенность различных характеристик представителей одной из сторон, напротив, может способствовать деэскалации конфликта.

При анализе конфликтующих сторон оценивают и уровень их организации. Естественно, этот показатель, прежде всего, оценивают в отношении межгрупповых конфликтов. С этой точки зрения К. Боулдинг разделяет группы на хорошо организованные и слабо организованные. Первые отличает наличие структуры и четко определенные роли внутри самой группы. Уровень организации группы влияет на развитие конфликта, осознание наличия противоречия, формирование позиций сторон, принятие решений, уровень приверженности общим интересам. При этом применение различных элементов управления конфликтом при участии в нем групп с четкой структурой зачастую более успешно, т. к. в таких группах серьезная роль отводится их лидерам, чье влияние распространяется на других членов группы.

Следующая важная характеристика конфликтующих сторон – это их ресурсы. Следует помнить, что ресурсы сторон не равны их силе. Сила сторон определяется не просто наличием тех или иных ресурсов, но умением использовать их в конфликте. Именно поэтому один из важнейших показателей силы сторон – это обладание знаниями, способствующими решению конфликта. При этом под ресурсами сторон понимается все, что может быть эффективно использовано для достижения поставленных целей. Е. И. Степанов в своих работах делит ресурсы сторон на внешние и внутренние. К внутренним он относит «социальные, материальные, физические, интеллектуальные возможности и навыки сторон, а также <...> ресурс времени» [6, с. 54]. Под внешними ресурсами могут подразумеваться, например, средства массовой информации, общественное мнение.

Понятие «сила сторон» связано с понятием «баланс сил». Баланс сил определяется соотношением характеристик сторон. При этом правильная оценка собственных сил и возможностей оппонента влияет на выбор той или иной стратегии поведения в конфликте. Например, если один из участников конфликта понимает, что он значительно сильнее оппонента, это может привести к навязыванию своей воли и выбору стратегии борьбы. Напротив, более слабый участник, объективно оценивая свои возможности, может вообще отказаться от участия в конфликте. Баланс сил – величина, которая не всегда постоянна. Соотношение сил может меняться, например, при привлечении внешних ресурсов.

Прежде чем перейти к разбору предмета конфликта, остановимся на последней, в данном случае, характеристике конфликтующих сторон, отношениях между ними. Без их учета можно неверно построить анализ конфликта, прогноз его развития. Для оценки отношений противостоящих сторон необходимо рассмотреть степень зависимости их друг от друга, частоту их взаимодействия. Степень зависимости, субординации сторон оказывает влияние на стратегии, которые они выбирают, на определение допустимых форм поведения. Так, например, в случае с конфликтом между начальником и подчиненным или между прохожими на улице формы поведения могут быть совершенно разными. Частота взаимодействия участников конфликта так же влияет на его развитие. Принято считать, что в группах с высокой частотой взаимодействия и взаимозависимостью с одной стороны участники конфликта могут выбирать более сдержанные формы поведения, но с другой стороны, при эскалации конфликта он может принимать достаточно острые формы, т. к. является еще и своеобразным средством компенсации за необходимость сдерживать проявление негативных эмоций.

Перейдем ко второму, выделенному нами, элементу структуры конфликта – его предмету. Понятие «предмет конфликта» сопряжено с понятием «объект конфликта». Под объектом конфликта понимают элемент материального мира или социальной реальности, на котором сосредоточено внимание, притязания социальных субъектов. Предмет конфликта – это

та сторона, характеристика объекта, которая непосредственно лежит в основе противоречия. Это некая проблема, ставшая причиной конфликта.

Существуют различные точки зрения в отношении того, что следует выделять в качестве предмета конфликта. Если попытаться объединить их, то можно назвать следующий перечень: ресурсы и потребности, интересы, статус, ценности. Иногда в качестве отдельного предмета конфликта выделяют власть, т. к. это основной предмет конфликта в области политики. Однако власть в данном случае может выступать и как ресурс, и как потребность, и как ценность. Таким образом, она попадает в выделенный нами перечень. Рассмотрим подробнее перечисленные выше предметы конфликта.

Ресурсы могут быть материальными и духовными. Под ними понимают все, что может быть эффективно использовано для реализации сформировавшихся потребностей. Конфликты по поводу ресурсов могут быть вызваны их ограниченностью и их неравномерным распределением в обществе. Очевидно, что все ресурсы ограничены, однако порой нехватка определенных ресурсов может быть объективной, а иногда она может формироваться, например, властями для создания паники, отвлечения внимания от других проблем и т. д. Кроме того, неравномерность распределения ресурсов в обществе может провоцировать более частые и острые конфликты в моменты кризисов, радикального реформирования. В таких ситуациях ресурсы начинают перераспределяться, меняется положение людей в обществе, возможность доступа социальных субъектов к тем или иным благам.

Ранее мы упомянули ресурсы как предмет конфликта в паре с потребностями. Эти два элемента связаны друг с другом. Так как для удовлетворения потребностей необходимы ресурсы. Один из видов конфликтов, связанных с потребностями, по мнению А. Г. Здравомыслова [3, с. 106–107], как раз связан с их кажущейся или реальной ограниченностью. Другой вид – это конфликт между краткосрочными и долгосрочными потребностями. Краткосрочные потребности обычно требуют меньших ресурсов и их реализация возможна в более короткие сроки. Для реализации долгосрочных потребностей (например, фундаментальные научные исследования) необходимо значительно большее число ресурсов. Примером такого конфликта может быть выбор между необходимостью получить высшее образование или сразу устроиться на работу. Трудоустройство может дать возможность человеку почувствовать относительную финансовую самостоятельность и возможность самореализации. Решение в пользу получения образования чаще всего отодвигает возможность полноценного заработка в течение как минимум первых лет обучения. При этом от студента требуется тратить время и усилия на учебу. Однако высшее образование является одним из ведущих факторов вертикальной мобильности. Человек с высшим образованием имеет больше шансов в будущем построить успешную карьеру. Таким образом, в первом случае результат реализации потребности виден быстрее, но он может быть не столь внушителен. Во втором случае – для реализации потребности требуется больше ресурсов, но в дальнейшем это может способствовать более успешной реализации потребностей.

Потребности так же вызывают конфликт из-за наличия динамики в их развитии. В любом обществе существует иерархия потребностей. Она может рассматриваться в отношении конкретного индивида, социальных субъектов, общества в целом. Определение приоритетности потребностей в рамках общества – это серьезная проблема. Фактически она связана с формированием социальной политики, использованием ресурсов, развитием культуры. А. Г. Здравомыслов пишет о том, что, например в СССР, при разработке социальной политики долго преобладал нормативистский подход, что приводило к уравнительному толкованию потребностей. В результате «теоретическая модель удовлетворения потребностей населения и реальный процесс находились в вопиющем противоречии друг с другом» [3, с. 109].

Следующая причина конфликта – интересы. Их предметом является позиция отдельного человека или социальной общности, предоставляющая возможность получения определенных ресурсов, благ. Положение людей и социальных слоев в обществе не равное, что приводит к конфликтогенности интересов. Так как интересы связаны с социальным положением, следует упомянуть еще один предмет конфликта – статус. Это – положение, занимаемое индивидами или социальными группами в рамках общества. Оно является условием обеспечения определенного уровня жизни человека, его претензий, отношения к нему других людей. В основе статуса лежат различные, специфические для каждого общества, характеристики. Конфликты, связанные со статусом, могут быть вызваны желанием удерживать имеющийся статус или повысить свое положение, для обеспечения большего доступа к различным благам или же получения контроля над их распределением.

Достаточно часто в качестве предмета конфликта рассматриваются ценности, хотя характер их двойственен. Ценности, с одной стороны, служат элементом разъединения людей, отличия своих от чужих, но с другой стороны, они объединяют людей. Ценности служат центром человеческой мотивации. Как предмет конфликта, они провоцируют, по мнению многих исследователей, наиболее острые противоречия. Такой характер конфликтов связан, в том числе, с механизмом их формирования и той ролью, которую они играют в жизни людей. Система ценностей формируется в процессе социализации. Базовая ее часть закладывается во время первичной социализации и затем в большинстве случаев лишь модифицируется. Одна ценность не может быть автоматически заменена другой, даже в случае, когда окружающая действительность кардинально меняется. Конфликты по поводу ценностей могут быть связаны, например, с ситуацией, когда индивиду и социальным общностям навязывают чуждые ценности, а так же, когда существует пренебрежительное отношение к сложившейся системе ценностей.

Выделяя данные предметы конфликта, следует помнить, что в реальных конфликтах может быть задействован не один, а множество компонентов. При этом предмет конфликта может состоять из множества вопросов. Значимость каждого спорного вопроса для разных участников может быть не одинаковой. Определение иерархии спорных вопросов, их глубины, взаимосвязи позволяет более точно понять суть конфликта и выстроить работу по управлению им.

Последний элемент структуры конфликта, выделенный нами, – влияние социальной среды или микро– и макросреды. Любой конфликт возникает и развивается не в изоляции, на него оказывает влияние так называемая окружающая или социальная среда. Влияние среды осуществляется через системы норм и ценностей, принятые в конкретной социальной общности и в обществе в целом. На конфликт влияют сформировавшиеся устойчивые оценки ситуаций, формы принятия решений. Все это определяет стратегии участников, их реакцию на действия противостоящей стороны, выбор средств достижения поставленных целей. Кроме того, как пишет Е. И. Степанов, социальная среда определяет степень институционализации конфликта. Она задает те рамки, в которых должно осуществляться взаимодействие конфликтующих сторон и управление конфликтом. В основе институционализации конфликта могут лежать социальные и правовые нормы. И те, и другие участвуют в регуляции процессов, происходящих в обществе, однако они обладают некоторыми особенностями. Так социальные нормы не прописаны, они усваиваются людьми в процессе социализации и не обладают правом санкций. Кроме того, социальные нормы могут различаться в рамках одного общества, социальных групп. Правовые нормы, напротив, прописаны, они являются общепринятыми и санкционированы государством.

Степень институционализации конфликтов бывает различной. Конфликт может считаться полностью институционализированным, если нормы, процедуры и санкции не только

сформированы, но и реально работают и используются при возникновении конфликта или формировании конфликтной ситуации.

Динамика конфликта

Конфликт представляет собой динамический процесс. Его развитие проходит определенные стадии. Так же как и в отношении структуры конфликта, этапы развития конкретных разновидностей конфликтов могут обладать определенной спецификой, однако есть общие моменты, через которые проходит каждый конфликт. В качестве наиболее крупных этапов можно выделить три: формирование конфликтной ситуации, конфликтное взаимодействие и завершение конфликта. Их развитие может занимать различное время.

Прежде чем рассматривать формирование конфликтной ситуации, необходимо уточнить само понятие. В литературе, посвященной конфликтам, можно встретить два подхода. Представители первого трактуют конфликтную ситуацию как конкретный случай конфликта. То есть сам термин используется в данном случае как синоним слова «конфликт». Представители второго рассматривают конфликтную ситуацию как этап, непосредственно предшествующий конфликтному взаимодействию, являющийся основой для возникновения конфликта, его начальной стадией. Мы придерживаемся второй точки зрения. Таким образом, конфликтная ситуация – это процесс формирования конфликтогенных детерминант, противоречий, которые при определенных условиях могут способствовать возникновению конфликтного взаимодействия.

Иногда конфликтную ситуацию относят к так называемой латентной стадии конфликта, которая рассматривается как предконфликт, а собственно конфликтом считается конфликтное взаимодействие. Мы будем исходить из того, что конфликтная ситуация является начальной стадией конфликта.

Конфликтная ситуация связана, как было отмечено ранее, с формированием объективного противоречия. Исключением являются ложные или нереалистичные конфликты. Одним из первых это понятие было описано Л. Козером. Такие конфликты «предполагают взаимодействие между двумя или более индивидами, порождены не антагонизмом целей участников, а необходимостью разрядки, по крайней мере, у одного из них» [4, с. 71]. В основе формирования объективного противоречия лежат различные конфликтогенные детерминанты. В качестве детерминант могут выступать депривация, статусные противоречия, ухудшение жизненных условий, структурное насилие, возросшие ожидания, борьба за власть, человеческое достоинство и т. д. Е. И. Степанов пишет, что конфликтогенные детерминанты могут формироваться и в дальнейшем присутствовать в социальной среде, в отношениях и характеристиках индивидов и социальных общностей.

Объективное противоречие создает своего рода потенциальную возможность для дальнейшего развития конфликта. Для того чтобы эта потенциальная возможность стала реальной, необходимо осознание наличия противоречия, проблемной ситуации. Как пишет А. Г. Здравомыслов, участники обычно видят данное противоречие как некую проблему. Следует уточнить, что восприятие конфликтной ситуации формируется конкретными людьми и может быть отчасти искаженным. На данное восприятие оказывают влияние особенности психики, социальные характеристики отдельных людей и социальных общностей. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов полагают, что степень искажения конфликтной ситуации зависит от ее сложности и темпов развития. Так или иначе, конфликтогенные детерминанты могут по-разному осознаваться возможными участниками конфликта, однако это необходимое условие для дальнейшего развития конфликта.

Осознание конфликтной ситуации важно для понимания своих интересов, определения цели и задач, формирования стратегий по их реализации. В случае, когда речь идет о социальных общностях, этому способствует коллективная идентичность. Кроме того, в ука-

занных процессах важна роль лидера. На формирование целей, стратегий влияет и социальная среда, соотношение характеристик сторон, прогноз действий оппонента.

Конфликтное взаимодействие также иногда называют открытой стадией конфликта. Оно включает в себя инцидент, процессы эскалации и деэскалации. Инцидент – это некий случай, инициирующий открытые действия сторон, своего рода первая попытка решить проблему. Иногда конфликт может ограничиться инцидентом, и тогда конфликтное взаимодействие переходит к деэскалации, иногда конфликт далее обостряется. А. Г. Здравомыслов пишет, что характер конфликта во многом определяется теми средствами, которые стороны используют в конфликте. Очевидно, что насильственные действия, предпринятые одной стороной, с большой вероятностью вызовут такую же реакцию с другой стороны.

Следует отметить, что переход от конфликтной ситуации к взаимодействию может быть смазан во времени. В реальном конфликте осознание противоречия и своих интересов, формирование целей, выбор стратегии могут происходить одновременно, а могут, напротив, быть очень растянуты по времени. Так или иначе, конфликтное взаимодействие предполагает внешние формы проявления действий участников. И они могут усложнять конфликт и приводить к его эскалации.

Эскалация конфликта – это обострение противоборства. Ее развитию способствуют определенные условия, например:

- применение насильственных, принудительных действий;
- желание скорейшего достижения поставленной задачи и в связи с этим интенсификация действий;
- вмешательство третьей стороны.

Эскалация влияет на все характеристики конфликта. Она ведет к разрастанию вопроса спора. Это связано, в том числе, с увеличением числа участников. С одной стороны, каждый новый участник вносит свое видение проблемной ситуации. С другой стороны, эскалация приводит к поляризации участников, к невозможности ведения диалога между ними. В результате этого в конфликт могут включаться новые спорные вопросы, которые до этого не попадали в поле зрения оппонентов. Эскалации свойственно возрастание негативных эмоций, стрессы, рост эмоционального напряжения. Действия участников могут принимать все более насильственный характер, происходит переход от аргументов и попыток вести диалог к претензиям, нападкам. Эскалация может приводить к превращению межличностного конфликта в межгрупповой.

Деэскалация конфликта – это «потеря желания или способности продолжать конфликт» [6, с. 64]. Ей может способствовать развитие гетерогенного отношения к отдельным аспектам конфликта, например, разногласия по поводу выбора средств реализации поставленных задач. Так же деэскалация возможна в случае, когда участники понимают, что затраты на ведение конфликта превосходят их ожидания. Иногда деэскалация вызвана изменением ситуации, например, возникновением внешней по отношению к обеим сторонам угрозы.

Возможность эскалации или деэскалации конфликта заложена в характеристиках самих участников (баланс сил, взаимодействие и взаимозависимость, выбор средств для участия в конфликте), в особенностях ситуации в регионе или в целом в стране и т. д.

Завершение конфликта – это заключительная его стадия. Здесь возможно рассмотрение нескольких аспектов. С одной стороны, это формы завершения конфликта, среди которых выделяют: устранение, урегулирование и разрешение. С другой стороны, это анализ соотношения проигрыша и выигрыша для участников конфликтов.

Рассмотрим более подробно формы завершения конфликта. Устранение конфликта предполагает устранение одной из сторон конфликта. Например, в результате победы другой стороны. Также устранение может происходить при проигрыше обеих сторон. Еще один

вариант – это перерастание конфликта в другой конфликт, например, при возникновении внешней угрозы, когда вчерашние противники объединяются для того, чтобы противостоять ей.

Урегулирование конфликта происходит на основе компромисса, когда каждая сторона что-то уступает, но при этом что-то приобретает. Урегулирование не предполагает разрешения противоречия, лежащего в основе конфликта.

И, наконец, разрешение конфликта – это наиболее сложная форма завершения конфликта. Разрешение предусматривает устранение самого противоречия, вызвавшего конфликт. Отдельные исследователи выступают против использования термина «разрешения», утверждая, что противоречия и соответственно конфликты будут в жизни человека всегда, и поэтому неуместно говорить об их разрешении. С этой точки зрения следует использовать лишь термин «урегулирование». Однако когда речь идет о разрешении конфликтов, подразумевается не устранение их раз и навсегда, а разрешение противоречий, лежащих в основе конкретных конфликтных случаев.

При анализе форм завершения конфликта необходимо раскрыть понятие «управление конфликтом». Управление конфликтом – это осознанное, целенаправленное воздействие на его динамику с целью развития конфликта в заданном направлении. Управление конфликтом включает в себя: прогнозирование, профилактику, предупреждение, ослабление, урегулирование, разрешение конфликтов. Один из основных принципов управления конфликтами – принцип компетентности. Он означает, что вмешательство в конфликт должно осуществляться людьми, обладающими достаточными знаниями в области управления конфликтами. В противном случае вмешательство может усложнить конфликт еще больше. Чем раньше предпринимаются действия по управлению конфликтом, тем выше их эффективность. Определенному этапу конфликта могут соответствовать определенные действия по управлению им. Например, на стадии возникновения и развития конфликтной ситуации следует осуществлять деятельность по предупреждению и прогнозированию конфликта. При осознании наличия конфликтной ситуации хотя бы одним из участников следует обратиться к предупреждению конфликта. Когда начинается конфликтное взаимодействие и развивается конфликт, следует говорить об урегулировании как адекватном способе управления.

Прогнозирование направлено на выявление причин конфликта. На основании полученных данных строятся предположения о возможном развитии конфликтной ситуации. Прогноз позволяет снизить неопределенность ситуации. Успешность прогнозирования зависит от ведения постоянной работы по анализу причин конфликтов. Прогнозирование служит основой для предупредительных мероприятий.

Предупреждение или профилактика конфликта – деятельность, целью которой является недопущение развития конфликта. Предупреждение позволяет серьезно снизить затраты на урегулирование и ликвидацию последствий конфликтов и уменьшает саму опасность негативных последствий. Руководствуясь информацией о причинах и факторах формирования конфликтной ситуации, предпринимают действия с целью их нейтрализации. Однако предупреждение конфликта может иметь и иной характер, когда речь идет о правильном планировании управления социальной системой, где предупреждение – неотъемлемая часть общего процесса. Тогда речь идет не об отдельном конкретном конфликте, а в целом о предупреждении возникновения конфликтных детерминант в данной системе.

Стимулирование конфликта направлено на его провоцирование. По мнению С. М. Емельянова, сложность стимулирования заключается в том, что социальный субъект, обращающийся к такой форме предупреждения, должен быть готов к конструктивному управлению конфликтом, в противном случае последствия могут быть достаточно негативными.

Понятие урегулирования и разрешения мы рассмотрели ранее, теперь следует указать варианты завершения конфликта с точки зрения выгоды для участников. В данном случае

может быть несколько сценариев развития ситуации: «выигрыш – выигрыш», «выигрыш – проигрыш» и «проигрыш – проигрыш». При оценке завершения конкретных конфликтов следует учитывать, что надо принимать во внимание не только объективные характеристики завершения, но и то, каким образом завершение конфликта воспринимается самими участниками. Степень удовлетворенности итогами конфликта влияет на возможность возникновения конфликта в дальнейшем. На форму завершения конфликта и конкретные последствия для сторон оказывает влияние множество параметров, например, предмет конфликта, баланс сил, вмешательство третьей стороны, социальное окружение.

Вопросы для самоконтроля

1. Проанализируйте приведенные определения конфликта и дайте им оценку.
2. Назовите основные характеристики конфликтного взаимодействия.
3. Проанализируйте связь противоречия и конфликта.
4. Как соотносятся понятия «конкуренция» и «конфликт»?
5. Сравните понятия «конфликт» и «кризис».
6. В чем разница в определении участников конфликта и противоборствующих сторон и кто помимо последних может рассматриваться в качестве участников конфликта?
7. Назовите основные элементы структуры конфликта.
8. Дайте определение объекту и предмету конфликта.
9. Что может являться предметом конфликта?
10. Перечислите основные стадии конфликта.
11. Что может рассматриваться в качестве конфликтогенных факторов, способствующих формированию конфликтной ситуации?
12. Назовите и охарактеризуйте формы завершения конфликта.
13. Раскройте понятие «управление конфликтом».

Литература

Основная

1. Дмитриев А. В. Конфликтология. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.
2. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии: 3-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 384 с.
3. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 317 с.
4. Козер Л. Функции социального конфликта: пер. с англ. О. А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.
5. Конфликт. Политика. Общество. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 538 с.
6. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. Е. И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 344 с.

Дополнительная

7. Бабосов Е. М. Конфликтология. – Минск: ТетраСистемс, 2000. – 464 с.
8. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
9. Стребков А. И. Социальный кризис и конфликт / Социальный кризис и социальная катастрофа. Сборник материалов конференции. – СПб., 2002.
10. Boulding Kenneth E. Conflict and Defense: A General Theory. – New York, Evanston, London: Harper and Row, Publishers, Incorporated, 1963. – 350 p.

Лекция 2

Системный характер и внутренняя структура конфликта

Внутренняя структура понятия «конфликт»

Для того чтобы управление конфликтами приносило свои положительные плоды, необходимо полное знание о внутренней структуре конфликта и всех типов конфликтов. Понимая конфликт как способ негативного взаимодействия субъектов, нацеленных на борьбу за сохранение и изменение своего статуса или положения в различных сферах жизни – экономической, политической, семейной, правовой, социально-культурной, мы тем самым указываем на способ взаимодействия в политике, экономике, семье, праве, культуре, социуме, указываем на состояние субъектов конфликта и на основные цели, которые ставят перед собой субъекты данного конфликта, и средства, которыми могут и пользуются индивиды в конфликте. Эти разнородные элементы конфликта объединены в систему тем статусом или положением, которое занимают субъекты конфликта в политике, экономике, семье, праве, социуме, но своими корнями уходят в гражданское общество, где господствует экономика и зарождается политика и где разнородные силы этого гражданского общества начинают не только осознавать необходимость конфликтного взаимодействия, но и подвигают своих представителей к конфликту, для того чтобы изменить свое положение или сохранить это положение в обществе. Гражданское общество внутри себя структурируется как государство, а вовне представлено как нация. Гражданское общество, структурированное внутри себя как государство, связано с ним политикой, особыми формами принуждения, которые приобретают легитимный характер на основе и посредством выборов и демократического принципа подчинения меньшинства большинству. Как показала политическая практика представительной демократии, выборы – хороший механизм преобразования воли большинства в волю меньшинства и последующего ее господства посредством политики. Как государство, так и гражданское общество связаны с политикой сотнями нитей. Способы воздействия гражданского общества на политику видоизменяются, но сохраняется потребность, а значит, необходимость решать гражданские проблемы политическим путем, путем принуждения. Все-таки принуждение, каким бы демократическим оно не представлялось в своих формах, является, с одной стороны, политической, с другой – социальной потенцией развития, изменения и сохранения достигнутого во всех сферах жизни общества и отдельного человека. Принуждение посредством силы по-прежнему значимо для сохранения тех способов производства и воспроизводства отношений, которые приблизительно точно отражают достигнутый уровень материальных и духовных потребностей. Конфликт при этом по-прежнему является способом взаимодействия, который как сохраняет достижения гражданского общества, так и изменяет их.

Конфликт либо провоцирует общество к быстрейшему продвижению господствующих потребностей, либо сдерживает это продвижение. В нем и только в нем заложен потенциал движения к прогрессу, к достижению таких способов взаимодействия и форм жизни, которые будут способствовать развитию человека. Сегодня одна потребность или же ограниченный круг потребностей человека, пусть даже и значимых для данного способа производства, получает развитие в ущерб многим другим потребностям.

Известно, что на потребностях человека выстраиваются его способности. На какой-либо одной потребности получает свое развитие такая же одна способность. На эгоисти-

ческой потребности произрастают индивидуалистические способности и разрушаются способности к объединению. Н. Г. Чернышевский сокрушался в свое время тому, что на Западе введение лучшего порядка дел чрезвычайно затрудняется безграничным расширением прав отдельной личности, отдельная личность на Западе привыкла уже к безграничности частных прав. Нелегко отказаться хотя бы даже от незначительной части того, чем привык он уже пользоваться, но пользе и необходимости взаимных уступок может научить только горький опыт и продолжительное размышление [17, с. 442].

Конфликт, как продукт гражданского общества, неотъемлемым элементом которого стала частная собственность, сохраняет свое значение и для современного общества как в своем объективном основании, так и субъективном проявлении, внутренними элементами которого являются: способ взаимодействия, субъекты взаимодействия, цели, средства и нормы взаимодействия, статус взаимодействующих субъектов или положение, которое они занимают в экономике, политике, культуре, семье, т. е. в различных сферах жизни общества. Эти разнородные элементы проявляют себя как единое целое лишь в способе взаимодействия. Будет ли он конфликтным способом или нет, зависит от субъекта или субъектов, которые нацеливают себя либо на мирные способы взаимодействия, либо на конфликтные.

Для целей нашего анализа под сферой жизни людей мы будем понимать совокупность индивидов, действия которых направлены на объединение, а не разъединение, и в каждом случае, когда речь пойдет о сфере жизни, мы будем иметь в виду объединение людей – экономическое, политическое, социальное, культурное. Но эти крупные объединения внутри себя разделяются на особые объединения людей. Так, государство как часть политического объединения понимается нами, прежде всего, как объединение людей, определяемое территорией, языком и управлением посредством принуждения. Рынок – как такое же объединение людей, но зависящее от спроса и предложения и объединенное обменом продуктами и услугами в форме товаров. Как только мы исключаем товарную форму обмена, данное объединение изменяет свое содержание и превращается в обмен потребительными стоимостями. Отсутствие спроса влечет за собой отсутствие объединения, также как и отсутствие предложения. Понятием «сфера» отражается превалирующее отношение, понятием «объединение» – превалирующий признак или норма, согласно которым объединение осуществляется. А если признать что норма есть другое выражение отношения, то становится понятным, почему мы смело можем эти два понятия – «сфера» и «объединение» – отождествить.

Главным лицом конфликта является действующий субъект. Он, а никто другой, осуществляет действия и взаимодействует. Он субъективно определяет способ взаимодействия и в то же время объективно определяется жизненно важными способами взаимодействия, культивируемыми в материальной и духовной сферах современного общества. В действительности тот или иной индивид ответственен за способ взаимодействия, который он культивирует. Но там, где свобода индивида ограничена, где практически отсутствует простор для самостоятельности, ответственность должна быть возложена на объединения индивидов и их официальных представителей – власть и государство. Ответственность возлагается также и на институты гражданского общества, на все те структуры гражданского общества, которые участвуют в выработке и презентации общего интереса, в его защите. Это касается много-сложной институциональной структуры гражданского общества, в которой каждый элемент структуры занимает исторически и экономически соответствующее положение.

Способ взаимодействия или способ жизнедеятельности, покоящийся на разделении труда, определяется обменом, который базируется на потребностях обменивающихся индивидов. Результатом этого обмена является удовлетворенный либо неудовлетворенный индивид. Обмен предполагает совокупность действий профессионального и торгового характера, а завершается удовлетворением потребностей. Но так как разделение труда влечет за собой специализацию действий и взаимодействий, то одни индивиды производят, другие обмени-

вают, а третьи потребляют. Подобное разделение способов взаимодействия кого-то делает производителями, кого-то торговцами, но всех потребителями. Но и в потреблении различия достаточно существенны, и каждый довольствуется тем, какое положение тот или иной индивид занимает в системе складывающихся отношений, базирующихся на производстве, распределении, обмене и потреблении. Индивиду уготована система взаимодействий, которой он должен овладеть. В противном случае его положение не дает ему возможности не только не овладеть ими, но и приблизиться к ним. Разделение труда, производство, распределение, потребление и обмен определяют способы взаимодействия, а значит, и определяют индивида, его конфликтный потенциал.

Негативный способ взаимодействия возникает как некоторая общественная реакция индивидов на разделение труда. Соединение индивидов в разделенном обществе может быть осуществлено лишь посредством силовых способов взаимодействия. Достижение удовлетворения потребностей в подобном обществе возможно лишь при условии силового изъятия у одних индивидов другими необходимой для удовлетворения суммы богатств. Поэтому силовой способ взаимодействия в течение длительного периода человеческой истории являлся основным способом существования. Пришедший на смену силовому способу взаимодействия меновой способ взаимодействия не исключил полностью значение силы. Она по-прежнему сохраняет свое значение в распределении богатства как внутри государства, так и между нациями.

Под способом взаимодействия мы понимаем совокупность действий, осуществляемых как индивидом, группой индивидов и классами, направленных на достижение своих потребностей и того положения, в котором осуществляется удовлетворение потребностей. Если речь идет о способах взаимодействия в политической сфере, то здесь необходимо говорить о способах взаимодействия в политике, которые характеризуются совокупностью действий субъектов политики, направленных на удовлетворение политических потребностей и того положения, в котором осуществляется удовлетворение этих потребностей. Наиболее характерным способом взаимодействия в политике является способ, при котором действия субъектов политики направлены на ограничение действий противостоящих данному субъекту или их полное исключение. Так последние выборы в Мосгордуму, состоявшиеся 10 октября 2009 года, показали эффективность действий двух партий, которые и заняли в ней места. К этим партиям относятся «Единая Россия» и КПРФ. Другие партии, такие как «Яблоко» и ЛДПР, не получили в ней ни одного места. Это говорит о том, что действия таких субъектов политики, как «Единая Россия» и КПРФ, ограничили действия «Яблока» и ЛДПР настолько, что те не смогли попасть в Мосгордуму.

В политике ограничение действий выполняется лишь при условии, что их осуществляет значительное количество людей. Но в то же время действиями одной или немногих малочисленных групп возможно ограничить действия субъектов политики, не только составляющих большую численность, но и наделенных средствами противодействия. Так акты террористического характера, осуществляемые одним индивидом или группой индивидов, могут противодействовать намечающейся политике государства или правящих партий. Стоит сказать, что в политике способов противодействия столько же, сколько и способов действия. Политика, как мы уже говорили, – это способ взаимодействия государства с гражданским обществом, в котором доминирует государство, ибо оно является активным субъектом политики и в соответствии со своими интересами ее вырабатывает и реализует. Однако в гражданском обществе происходит полное признание политики государства, частичное признание и отрицание. В последнем случае принуждение приобретает такое давление на общество, прививаются такие способы взаимодействия в обществе, которые неприемлемы либо в силу традиции, либо в силу положения, которое индивиды занимают в гражданском обществе. Можно представить себе на миг, что политика пытается привить дворникам иные,

чем традиционно принятые, способы взаимодействия с метлой или приспособить новую технику взаимодействия метлы с асфальтом. Из этого получится только одно – дворники восстают, или, стоя на коленях, бунтуют, как у М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Если речь идет об экономической сфере, то необходимо говорить о способах взаимодействия в экономике, направленных на удовлетворение экономических потребностей в пределах того положения, которое занимает индивид. В экономической сфере, также как и в сфере политики, реализуются способы взаимодействия, которые направлены на противодействие противостоящему субъекту или на его полное исключение. Подобные действия и противодействия в экономической сфере осуществляются повсеместно и с завидным постоянством. В результате такого взаимодействия мы наблюдаем картину постоянных разорений, взлета и падений экономических королей, кризисов перепроизводства, финансовых кризисов. Мы видим, как экономическая сфера находится в постоянном напряжении не только конкуренции, но и забастовок, стачек, локаутов, борьбы наемных работников с буржуазией. В экономической сфере нет ничего постоянного кроме конкуренции, которая уничтожает одних и возвеличивает других. Экономические войны не прекращаются ни на минуту с применением оружия, будь то стычки между деревенскими предпринимателями в России⁵ или между государствами.

Наиболее распространенным способом взаимодействия в гражданском обществе и различных его сферах является именно способ негативного или конфликтного взаимодействия. Экономика, как и политика, – конфликт. То же самое можно сказать о социальной и духовно-культурной сферах. Экономика есть сфера вечной конкуренции, есть сфера борьбы экономических субъектов за капиталы, которые в современном обществе определяют их положение, их статус в обществе, политике, культуре. Это положение становится безопасным в том случае, когда сконцентрированные капиталы в одних руках становятся непомерно огромными, превышающими валовой внутренний продукт целых стран и народов.⁶ Однако и чрезмерная концентрация этих капиталов не страхует их владельца от разорения. Но сами по себе они все-таки сохраняются, безотносительно от утратившего с ними связь субъекта. В обществе, где нет ничего окончательно определенного, где конкуренция есть единственный способ, согласно которому регулируется вся жизнь этого общества, главенствующей парадигмой действий индивидов становится борьба за обладание богатством. Согласие, достигаемое в таком обществе, есть следствие этой конкуренции, есть такие способы взаимодействия, которые привносят в жизнь общества временный мир и спокойствие, но лишь только для того, чтобы снова начать борьбу за богатство.

Политика – конфликт потому, что она есть способ взаимодействия конкурирующих между собой индивидов за власть. Политическая власть – это производная от богатства экономического. Властвуют экономически господствующие классы, и в этом нет секрета для тех, кто за словами и теориями видит дела политиков, обслуживающих господствующий интерес. Но господствующий интерес предполагает интерес не господствующий, т. е. противоположный интерес. Да и сама политика возможна лишь тогда, когда в гражданском обществе присутствуют противоположности и возникающие на этой основе противоречия. Политика есть способ взаимодействия, наслаивающийся на многие способы, которые ведут к удовлетворению потребностей индивидов. Политика ограничивает свободу, но и, наоборот, для кого-то расширяет границы свободы. Однако как ограничение, так и рас-

---

⁵ Последний случай кровавой войны между так называемыми хозяйствующими субъектами произошел в январе 2012 года. «„Конфликт, переросший в перестрелку, произошел в деревне Неверово рядом с Бадаевским карьером около 15.00. Пострадало 12 человек“, – сказал собеседник агентства РИА Новости. Он добавил, что конфликт мог произойти из-за спора двух хозяйствующих субъектов» [12].

⁶ Билл Гейтс, символ возможности стать достаточно богатым, когда уже вроде бы и невозможно стать таковым, обладал капиталами в 63 млрд долларов, что в полтора раза больше всего ВВП такой небедной страны, как Финляндия.

ширение масштабов свободы иногда политикой доводится до абсурда, ущемлением одного частного интереса в угоду расширению прав и свобод другого частного интереса. Так, например, с 1 июня 2014 года вступил в силу ФЗ РФ от 23.02.2013 года «Об охране здоровья граждан от воздействия табачного дыма и последствий потребления табака», что предполагает и рост средней цены за пачку сигарет в 2014 году до 68 руб. «И это не предел в перспективе ближайших трех лет. Такими методами в Министерстве здравоохранения страны надеются снизить число курильщиков <...> Несомненно, повышение акцизных сборов с табачной продукции принесет в бюджет страны дополнительные сотни миллиардов рублей. А вот к оптимистическим планам правительства резко и быстро снизить количество курильщиков эксперты относятся скептически» [8]. Минздрав, тратя на пропаганду здорового образа жизни 300 млн рублей в год [10], одним только лоббированием антитабачного закона принес миллиарды рублей не только государству, но и табачным компаниям. И этот абсурд еще больше становится заметным, когда мы обратимся к зарубежному опыту. Один только запрет табачной рекламы в США в 2011 году привел к легализации так называемых «легких» наркотиков, которые по своему воздействию на здоровье людей не идут ни в какое сравнение с воздействием табака. Летом 2011 года Сенат США принял закон о запрете табачной рекламы. Борцы с курением утверждали, что новый закон снизит смертность в США, уменьшит расходы на здравоохранение почти на 100 млрд долларов в год [14]. И что же? Не прошло и года как в штате Вашингтон разрешили официально употреблять марихуану. И согласно прогнозам экономистов, налоги с продаж «легкого» наркотика принесут Вашингтону несколько сотен миллионов долларов ежегодно [4]. Министерство здравоохранения и социального развития РФ собирается ужесточить меры в отношении курящей части населения страны с одной целью, пробивающей себе дорогу за ворохом лицемерной обеспокоенности о здоровье нации, – увеличить доходы бюджета в 2014 году от продаж сигарет на 460 млрд руб., а затратить на все эти антитабачные мероприятия всего чуть больше 300 млн. В то время как СМИ подводят сознание граждан страны к потреблению так называемых «легких» наркотиков типа марихуаны. В конфликте производителей и потребителей табака и так называемых «легких» наркотиков СМИ все в большей степени принимают сторону как производителей, так и потребителей наркотиков. «Произошедшая <...> метаморфоза, при большом участии современной рекламы, превратила наши СМИ в пропагандиста кайфа» [6, с. 21] – пишет журналист Дмитриева, говоря о пропаганде «кайфа», как об основной манипулятивной технике, ведущей к наркотизации населения [15, с. 42]. В качестве доказательства данного утверждения можно привести решение Окружной антинаркотической комиссии (ОАК) по СЗФО № 8 от 14.04.2005,⁷ где отмечается, что, несмотря на имеющийся в законодательстве запрет и механизм реализации властных полномочий, случаи рекламы наркотиков имеют место в различных СМИ и печатной продукции [15, с. 96]. Убеждают государство и граждан в том, что вреда от их употребления меньше, чем от курения табака [16]. Абсурд намечающейся политики государства заключается в том, что государство, отказываясь от меньшего зла, насаждает большее зло. И все это ради пополнения бюджета за счет увеличения акциза на сигареты, установлением нижней цены на них, и явной тенденцией легализации наркотиков и получением от их производства и продажи дополнительных доходов в бюджет, как это происходит сегодня в США. Подобная политика нацелена на разложение гражданского общества, усиление конфликтного противостояния в обществе, а предполагаемым распространением производства и потребления наркотиков уничтожает все здоровые силы общества, его экономическую и политическую активность. Политика, надстраи-

---

⁷ Об этом см.: Решение ОАК при полномочном представителе Президента РФ в СЗФО «Об использовании потенциала средств массовой информации в повышении эффективности антинаркотической пропаганды, состоянии развития института социальной рекламы» от 14.04.2005 № 8 // ECAD.RU: Европейские города против наркотиков. – 2010. URL: http://www.ecad.ru/php/print.php?id=mn-f5_36.html (дата обращения: 11.03.2008).

ваясь над гражданским обществом, сама выступает некоторым тормозом его продвижения вперед, препятствует потребностям, способствующим совершенствованию индивидов стать действительными потребностями индивидов.

Конфликт, зарождающийся в гражданском обществе, порождает политику, как социальную силу, которая принуждает индивидов к таким способам взаимодействия, которые, с одной стороны, постоянно воспроизводят бы потребность в государстве, а с другой стороны, постоянно не уничтожали бы его. Гражданское общество окончательно запуталось в сетях противоречий, которые его раздирают. И чтобы индивиды в погоне за богатством не уничтожили себя, нужны правовые противовесы, требуется, в конечном счете, государство как инструмент примирения скрытно или открыто враждующих между собой индивидов. Конфликтное взаимодействие есть не только внутреннее содержание политики, но и предпосылка политики. Без конфликтного взаимодействия государство и политика не смогли бы возникнуть и не могут существовать.

Встает вопрос о мере, силе, предмете и распространении конфликта в гражданском обществе. Мерой конфликтного взаимодействия является само государство, и потому оно берет на себя право и ответственность какие-то конфликты поддерживать, а какие-то локализовать, предотвращать и уничтожать. Так государство поддерживает конкуренцию в различных областях гражданско-общественной жизни, но стремится уничтожить всякие попытки разрушения государства и частного бизнеса. Оно не против конфликтов, которые поддерживают в зависимом состоянии регионы, но против этнических конфликтов, которые могут взорвать и разорвать многонациональное, а значит, государственное единство. Оно не возражает против семейных конфликтов, ибо гражданское общество, состоящее из семей крепких и бесконфликтных, обретет свою силу в единстве супругов, родителей и детей, что совсем не нужно государству, которое в данном случае выступает арбитром и третейским судьей, стороной примиряющей, а тем самым подчиняющей.

Ш. Фурье заметил, что главными отличительными признаками цивилизации является моногамная семья и земельная собственность, он называет моногамную семью войной богатых против бедных [18, с. 177].

Сила конфликтного взаимодействия определяется не столько направленностью, сколько числом участников конфликта, четко обозначенными целями, принимаемыми индивидами как свои собственные цели, и средствами, которые ими используются в конфликтном взаимодействии. Сила конфликта в социальном смысле не только в том, какова численность, цель и средства одной из сторон конфликта, но еще и в том, насколько сам конфликт определяет прогресс. Но так как участники конфликта и являются носителями прогресса и регресса, то в данном случае мы фиксируем конфликт между прогрессивными и регрессивными силами или участниками. Конфликт становится неизбежным тогда, когда интерес одной из сторон конфликта покоится или вытекает из материальных оснований общества, когда они уже по своему материальному составу являют собой прогресс, тогда они сами по себе уже становятся необоримой силой. В противном случае, когда борьба не имеет под собой объективного основания, сила прогрессивной стороны конфликта не обладает ни мощностью, ни энергией.

О силе конфликтного взаимодействия говорят средства, используемые участниками конфликта. В гражданском обществе используются разнообразные средства борьбы. Они носят индивидуальный и общественный характер. Общественные средства конфликта могут быть идеологическими и материальными. Идеологические средства представлены различными моральными средствами, которые укрепляют нацеленность на борьбу субъектов конфликта. К ним могут быть отнесены различные социальные институты, имеющиеся в обществе, либо порожденные материальными основаниями общества. К ним могут быть отнесены наука, которая революционизирует материальный базис гражданского общества

и в то же время в лице ученых находит субъективную основу борьбы за внедрение науки в гражданско-общественную жизнь, что не осуществляется бесконфликтно. В системе образования, которое наделяет индивидов знанием, умениями и навыками, необходимыми не только для адаптации к жизни в обществе, но и для понимания природы общества, его законов существования и развития. Уровень образованности народа оказывает глобальное влияние на все процессы, происходящие в обществе. Образованность народа – это другое выражение политики и экономики гражданского общества. Образованность – это моральное средство конфликта, потому что от умения индивида самостоятельно судить и разбираться во всем зависит его нацеленность на борьбу. В. И. Ленин утверждал, что раб, осознающий свое рабское положение, – уже не раб, а революционер. Человек, осознающий свое положение, не нуждается в идеологических подпорках как со стороны идеологических институтов, наподобие церкви, так и со стороны харизматических политиков. Его выбор будет всегда с сознанием дела и добровольным. Сегодняшняя политика государства, нацеленная на снижение уровня образованности, зачастую приводит к бунту-движению с неопределенными целями и бессмысленными жестокими действиями.

Идеологические средства конфликта не ограничиваются теми, о которых мы здесь говорили, к ним также относятся идеологии партий, конфликтующих между собой с целью достижения власти и реализации своих программ. Идеологическими средствами этих партий являются теоретические обоснования прогрессивного развития, которое дает членам этих партий оружие в их борьбе. Плюрализм партийно-политических идеологий, принятый на вооружение демократическими обществами, позволяет партиям конкурировать между собой и, добиваясь большинства в парламентах, проводить свою теоретически обоснованную политику. Хотя многие демократические страны отказывают государству в выработке им своей идеологии, государство сохраняет за собой как идеологический институт право на формулирование законов, право разрабатывать правовую идеологию. Сила такой идеологии, являющейся одновременно идеологическим средством конфликта между государством и гражданским обществом, в материальной основе права – в вооруженных силах, силах правопорядка и, наконец, тюрьмах. Идеологические средства борьбы государства с гражданским обществом, у которого этого всего нет, конечно, превосходят разрозненные идеологические средства гражданского общества. Наиболее обеспеченные в идеологических средствах являются наемные работники, но и те могут их противопоставить лишь отдельным работодателям, но никак совокупному работодателю в лице класса буржуазии и его государства.

Конфликт как система внутренних элементов негативного способа взаимодействия

Способы связей элементов структуры конфликта порождают систему, т. е. совокупность прямых и обратных связей между действием, целями, средствами и нормами. О конфликте как системе мы можем говорить лишь тогда, когда связи между элементами структуры конфликта представлены в единстве и прочности. Подобное рассмотрение конфликта позволяет исследователю сделать вывод о степени готовности субъективной составляющей конфликта из потенциального конфликта перерасти в реальный конфликт, позволяет определить условия, необходимые для того, чтобы конфликт превратился из потенциального в реальный. Анализ связей – наиболее сложный анализ и может быть осуществлен на конкретных конфликтах, которые имели место. Однако в результате анализа связей элементов конфликта выявляются закономерности, которые всегда носят общий для явления характер. В силу чего закономерности одного и того же явления не во всем и не всегда зависят от нюансов места протекания конфликта, национального или иного состава участников конфликтов. Конкретная война есть всегда война между различными государствами с использованием различных стратегий и тактик, различного вооружения и с разной подготовленностью вооруженных сил. Но война как конфликт будет представлена общими для конфликта элементами, находящимися между собой в органической связи: предметом конфликта, целями участников конфликта, военной силой и средствами, используемыми участниками конфликта, положением, которое занимают вступившие в военные действия субъекты конфликта в мире. Устойчивость этих связей, их повторяемость и воспроизводимость представлены в качестве закономерностей и не могут быть изменены, не изменившись в своей сути, стать иным явлением, которое уже не может быть охарактеризовано как конфликт. Избавьте человечество от существенных различий, доведенных современными отношениями до противоположности, и оно избавится от конфликта как способа укрепления этого различия и противоположности.

То или иное состояние этих связей должно быть выражено тем или иным понятием. Предположим, что конфликт проявляется тогда, когда связи между элементами конфликта наиболее прочные. А потенциальным конфликт будет тогда, когда эти связи не обладают прочностью. Прочными же связи окажутся тогда, когда между всеми элементами конфликта достигнуто единство, когда представлен негативный способ взаимодействия, когда осознано положение субъектов конфликта, когда представлена нацеленность на борьбу и когда представлено противодействие желанием индивидов изменить свое положение, ставшее невыносимым. Тогда конфликт становится чем-то целым, готовым проявиться как конфликт, стать реальным конфликтом в той или иной форме своего проявления. При этом если предпосылки конфликта налицо, то остается только организовать действия субъектов, нацеленных на борьбу, осознавших до последних мелочей требование изменения своего положения.

Действие индивидов является центральным элементом любого конфликта, в том числе и конфликтов, проявляющихся во всех сферах. Оно является нам либо конфликтным, либо неконфликтным. По действию можно определить все элементы структуры конфликта и все наличествующие связи. Но нам необходимо определить, что оказывает влияние на действие и чем оно определяется и насколько сильно оно определяется внутренними связями в самом конфликте. То есть нам необходимо обозначить условия, при которых конфликт становится неизбежным в силу структуры и связей, существующих в самом конфликте.

Конфликтное действие или взаимодействие – это действие или взаимодействие на уничтожение или демонстрацию уничтожения. Иное действие может претендовать на конфликтное действие, но таковым не может считаться. В политике индивидуальные действия на уничтожение в современной политической действительности практически отсутствуют.

Индивидуальные террористические действия не могут быть отнесены к индивидуальным конфликтным действиям в силу того, что эти действия индивидов являются завершающими действиями организации террора. В организации террора задействованы многие индивиды, между которыми распределены роли, которым поставлены соответствующие цели и задачи. Демонстративные действия на уничтожение также редки, как и реальные индивидуальные действия. Однако можно вспомнить случай, когда на Красную площадь прибыл предприниматель мелкой руки, для разговора с В. В. Путиным, президентом страны, а в его «Газели» были найдены мешки с мукой, напоминающие мешки с гексагеном, и несколько муляжей автоматического стрелкового оружия. Он был задержан и через какое-то время отпущен за неимением у правоохранительных органов к нему никаких вопросов. Приехал из города Ижевска мужик поговорить по-мужски с президентом страны. В этом нет действий на уничтожение, в этом есть демонстрация действий на уничтожение, потому что приехал поговорить с муляжами автоматов и мешками муки, похожими на мешки с гексагеном. Поэтому действия индивидов, стремящихся сломить сопротивление, прежде всего, направлены на поиск организации людей, которые ставят своей целью уничтожение.

Организованные действия на уничтожение являются наиболее массовидными явлениями в современной политике. Подобные организации носят либо тайный, либо легальный характер. Целями данных организаций являются кратко сформулированные и теоретически обоснованные условия освобождения от отношений, которые не позволяют данному объединению индивидов быть свободными или мало зависимыми. Все современные движения можно отнести к движениям за независимость того положения, которое они хотели бы занимать. Цель может быть и должна получить рассудочное или теоретическое обоснование. Рассудочное обоснование порождает веру, в которой цель не всегда получает глубокое обоснование и всегда оторвана от реального интереса. Теоретически обоснованная цель приобретает значение идеологии и связана непосредственно с интересом организации. В веровании нацеленность на уничтожение приобретает в отдельных случаях фанатический характер. В идеологии нацеленность на уничтожение всегда соотносится с общими условиями развития и состояния индивидов и общества. Поэтому идеология – наиболее работающий духовный инструмент, способный охватывать сегодня большие группы людей, интерес которых непосредственно вытекает из их однотипного социального положения. Поэтому чем меньше распространения получает идеология нацеленности на уничтожение, тем шире пространство мирного сосуществования индивидов с различным социальным положением. И наоборот, чем большее распространение получает идеология нацеленности на уничтожение, тем уже пространство мирного сосуществования. Поэтому идеологическая борьба тем слабее, чем больше засилье одной идеологии. Так это было в Советском Союзе, так это происходит сегодня в современной России.

Об идеологии как механизме провоцирования конфликта и его локализации мы будем говорить чуть позже. А пока надо принять, может быть, как гипотезу то положение, что идеология нацеленности на уничтожение⁸ находится в тесной связи с действиями. Но идеология становится только тогда реальным двигателем и организатором действий индивидов, когда эти индивиды овладевают ею. Поэтому в современном обществе овладение идеологией, научно обоснованной идеологией нацеленности на уничтожение, – задача перспектив-

---

⁸ Речь идет не о физическом уничтожении, как это представлено у фашистов, а социальном упразднении. На том основании, что идеология нацелена на уничтожение, Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) стремится фашизм и коммунизм сделать тождественными понятиями и явлениями. В действительности фашизм – это идеология, оправдывающая физическое истребление народов и наций, коммунизм – это идеология, оправдывающая уничтожение частной собственности, уничтожение отношений частной собственности и исключение из социальной структуры общества, а не физическое уничтожение, тех классов, которые эту собственность олицетворяют. И если буржуазия считает, что уничтожение частной собственности тождественно физическому уничтожению, то это говорит о том, что она срослась с собственностью до такой степени, что уничтожение собственности равносильно их физическому, а не социальному уничтожению.

ная, но и наиболее трудная. Трудности распространения той или иной идеологии состоят в том, что в политическом и гражданском пространстве сосуществуют многие идеологии, а идеологическая борьба не позволяет доминировать какой-либо одной из них. Этому же противостоят сами индивиды, которые в силу своей образованности и опыта примыкают к той или иной идеологии. Это не поддерживают средства массовой информации и получившие в последнее время распространение социальные сети. Однако необходимо признать, что для государства, государственный аппарат которого состоит в основном из приверженцев идеологии партии, господствующей по результатам выборов, распространение идеологии не представляет трудностей, тем более если учесть тот факт, что идеология господствующей партии становится законом, охраняемым всеми имеющимися у государства средствами. В связи с этим, В. Степашин прав, когда причисляет уголовные преступления к преступлениям политическим, ибо природа права политическая. Идеология, нацеливающая на уничтожение или на защиту существующего строя, охватывающая все большую массу людей, вводит их в конфликт, как полки вводятся в бой своими командирами. За какой идеологией будет победа, зависит от осознания массами своей перспективы после победы. И если цель, лежащая по ту сторону конфликта, не тускнеет под ударами нападающего противника, то можно быть уверенным в том, что победа не за горами той идеологии, которая поглотила большую массу людей. Ибо в этой массе партия найдет своих сторонников, которые отдадут на выборах ей свои голоса.

Действия индивидов уничтожающего характера опосредуются положением, которое они занимают в сфере политики, культуры, экономики и социума. Чем дальше их положение от политики, культуры, экономики и, наконец, от общества, чем их положение периферийнее, тем меньшее влияние они могут оказывать на эти сферы, тем меньший потенциал конфликтных действий с их стороны. Это связано с тем, что средства, которыми располагают индивиды, находящиеся на периферии сфер, совершенно незначительны, для того чтобы осуществлять противодействие давлению центра. Мнение, согласно которому наибольший конфликтный потенциал представлен наиболее удаленными от центра индивидами, т. е. более обездоленными, не может быть воспринято как мнение правомерное. Оно не учитывает тот факт, что у данной категории индивидов отсутствуют самые необходимые социальные связи, которые могут стать сплоченными в периоды социальной опасности потери материальной основы, на которой эти связи произрастают. Крестьянские волнения в России, как существенные элементы революционного процесса, завершившегося только в середине 30-х годов XX века, свидетельствуют о том, что наиболее зажиточные слои крестьян вначале боролись за национализированную землю, а в период коллективизации – за единоличное хозяйство. Пролетаризированная масса села подобную борьбу вести не могла как в период столыпинщины, так и в период новой экономической политики (нэп) и сплошной коллективизации. Наибольшим конфликтным потенциалом обладали зажиточные крестьяне, их интерес руководил восстаниями крестьян весь обозначенный период. Периферия может на короткое время достичь такого конфликтного потенциала, который станет опасным своими погромами, пожарами, ограбленными магазинами, уничтоженными парикмахерскими, стрельбой. Но подобная энергия, не имеющая под собой долговременного и обоснованного социальными тенденциями интереса, его сознательной организации в силу, выплескивается как разрушительная энергия, энергия уничтожения.

Положение индивидов в различных сферах жизни определяет, по какую сторону баррикад они будут находиться. Однако положение жестко не детерминирует ни конфликтный потенциал, ни то место, которое займет каждый индивид в конфликте. Для государственного управления, если оно не в состоянии предотвратить конфликт, важно сделать так, чтобы в конфликте принимали участие индивиды, находящиеся в однотипном положении. Так, для буржуазии, а вместе с нею его же государству важно, чтобы конфликт разрастался среди

наемных работников, чтобы конфликт внутри наемных работников был постоянным. В связи с этим профессиональные движения в России, раздираемые противоречиями вновь и вновь образованными новыми профессиональными союзами, не могут достичь единства действий в достижении своих целей. Известно, что сила профессионального движения зависит от существования единой организации профсоюзов, с единым центром управления, с единым профессиональным парламентом и руководством. В России профессиональные союзы не достигли такого объединения, кроме того, до сих пор существуют так называемые двухклассовые профессиональные союзы, в которых руководящую роль играет руководство предприятий. Поэтому пока профессиональное движение не едино, наступления на права наемных работников будут достаточно серьезными. Уже сегодня в среде буржуазии зародилась идея увеличения возраста выхода на пенсию, как мужчин, так и женщин. Возникла идея увеличения рабочей недели с сегодняшних 41 часа до 60 часов. Эти идеи получают свое одобрение целых партий буржуазии, таких как «Союз правых сил». Не случайно эту партию определенное время возглавлял миллиардер М. Прохоров, который и выступил инициатором повышения возраста выхода на пенсию и увеличения рабочей недели. Последствия данных идей не замедлят о себе заявить. От подобных идей и их реализации пострадает в первую очередь молодежь. Процент безработной молодежи резко возрастет, а заработная плата той молодежи, которой посчастливится найти рабочее место, катастрофически снизится. Противодействовать данной тенденции профессиональные союзы не могут, единые заявления не делаются, профессиональные союзы занимают выжидательную позицию в надежде на то, что за работником сохранится рабочее место еще на несколько лет и тем самым безбедная старость отодвинется.

Из рассмотренного факта видно, как положение наемных работников практически не оказывает влияния на позицию профессиональных союзов в конфликте с работодателями, но усиливает конфликт в среде профессиональных союзов, что опять же ослабляет их позиции в конфликте с работодателями. А в силу того, что рабочее движение полностью разбито, буржуазия шаг за шагом движется в направлении ущемления прав наемных работников, доведения их положения до такого состояния, чтобы одна мысль являлась им: «Как бы выжить!!!». Ущемлению прав в политике соответствует более глобальное ущемление потребностей индивидов в социуме. Сегодня потребление индивидов в стране достигло уровня слаборазвитой страны. Понятно, что не все индивиды ущемлены одинаково. Это ущемление имеет свою дифференциацию, но в среднем потребление продуктов питания по сравнению с советским периодом 1985 года сократилось на 30 %. Это существенное сокращение привело к депривационным процессам в социально-экономической жизни страны. В этом повинна молодая российская бюрократия, которая выстраивала государственное управление по лекалам западных советников, для которых один-единственный совет важен и всячески обоснован – приватизировать, приватизировать и еще раз приватизировать... Государственное управление, наполнившись новым для страны элементом – частной собственностью, стало ориентироваться на частную собственность.

В новых условиях перед управлением встает задача двойственного характера. Оно либо создает в действительности все необходимые предпосылки для полного удовлетворения потребностей, либо, не справляясь с этой задачей, оказывает воздействие на сознание и психологию индивидов, на идеологические особенности индивидов. В первом случае управление растворяется в потребностях и перестает быть управлением, а превращается в самоуправление не отчужденными от индивида потребностями. Во втором случае управление отличается от потребностей и оказывает воздействие на такие свойства человека, которые к потребностям относятся как условия их удовлетворения. При этом условия могут быть такими, что к потребностям они относятся сторонне, не требуют огромных вложений, но по своему политическому эффекту превосходят все имеющиеся в распоряжении индивида

условия удовлетворения потребностей. Этими условиями являются духовные ценности, значение которых для каждого индивида оценивается самим индивидом, но не без помощи государства, которое в своих руках концентрирует все средства пропаганды и агитации. Так дискомфорт материальной жизни становится незначимым, когда бытует убеждение, что страна обязана выйти из того или иного кризиса путем временного снижения уровня комфортности, к которому привык индивид. Этот путь избрали сегодня правительства стран Западной Европы, что породило всплеск недовольства основной массы населения этих стран.

Любой негативный способ взаимодействия имеет свой ареал распространения. Локализация негативных способов взаимодействия условна, а конфликт, порожденный в той или иной сфере, может перетекать из одной сферы в другую и тем самым охватывать все общество. Становясь всеобщим, конфликт теряет четко очерченные границы своего действия и распространения. Он поражает все формы социальной жизни. Социальный разлад становится внутренней причиной конфликтного взаимодействия между государствами и народами. Каждое общество, конфликтный потенциал которого превышает социальные ресурсы, направляемые на его предупреждение, стремится разрешить его за счет других стран и народов. Это происходит сегодня с так называемыми высокоразвитыми странами, которые не могут предупредить внутренние конфликты за счет своих внутренних ресурсов. Потому экспансия Запада, его борьба как в сфере экономики, так и в сфере политики со странами менее развитыми есть не только условие предупреждения конфликтов внутри страны, но и особая технология урегулирования внутренних конфликтов. Как только страны, которые сегодня являются донорами развитых стран, станут более эффективно противодействовать западной экспансии, так сразу же о себе дадут знать внутренние противоречия, на разрешение которых потребуются немалые ресурсы общества. Имеются ли у развитых обществ эти ресурсы сегодня? Одно понятно, что с каждым конфликтом у современного государства все меньше средств противодействия им.

Граница негативного взаимодействия покоится не только в объективных условиях жизни людей, в их положении, но и в людях, в их головах и сердцах, в их потребностях и действиях. Отчужденные от индивидов потребности становятся прекрасным материалом для управления самими людьми. Отчужденная потребность позволяет тем, кто над нею властвует, добиваться от индивида таких действий, которые необходимы. Она позволяет контролировать индивида, его сознание и поступки. Поэтому от того, насколько удовлетворяется потребность, зависит настроение людей и их готовность мириться с таким положением вещей, когда их потребность не удовлетворена, либо не мириться с тем, что их потребность не удовлетворена. До тех пор пока индивиды не поймут, что посредством отчужденной от них потребности властвующие управляют ими, индивиды не смогут понять, когда их провоцируют на конфликт, а когда конфликт им просто необходим для снятия этого отчуждения. В силу того, что граница конфликта в самом индивиде – она настолько подвижна, насколько изменчиво состояние самого индивида. Она размыта, и требуются как внешние, так и внутренние усилия для того, чтобы граница конфликта получила свои видимые очертания. Сама жизнь становится серьезным основанием формирования в человеке нацеленности на конфликт. Или наоборот, она не формирует в человеке этой нацеленности. В силу того, что граница конфликта находит свои очертания в состоянии человека, она либо приобретает четкие контуры, либо растворяется в неопределенности. Поэтому на конфликтное состояние индивида оказывают влияние обстоятельства, которые предшествуют зарождению в индивиде нацеленности на борьбу.

Для того чтобы эти обстоятельства не давали повода к росту нацеленности на борьбу в индивиде, они не должны быть отчужденными от индивида. Они должны быть следствием деятельности и самодеятельности самого индивида. В противном случае, когда обстоятельства перестают быть результатом его деятельности, они отягощают индивида, делают его

критически настроенным по отношению к ним. Обстоятельства, их объем и содержание в рыночном обществе зависят от суммы денег, которыми обладает индивид. Деньги являются посредником между человеком и его потребностями. Чем больше денег у индивида, тем больший объем обстоятельств включает индивид в орбиту своей жизни. И наоборот, чем их меньше, тем меньше обстоятельств включено в жизненный оборот индивида. В связи с этим можно говорить, что граница конфликта проходит также за пределами индивида и находится в тех обстоятельствах, которые предшествуют конфликту. Граница конфликта проходит в таких обстоятельствах, которые меньшим своим объемом и содержанием удовлетворяют потребности индивида. А так как объем и содержание обстоятельств для конкретного индивида, как мы выяснили, зависит от количества денег, принадлежащих ему, то мерой или границей конфликта будет то или иное количество денег, необходимых для удовлетворения насущных потребностей.

Существует потребностная депривация, которая обозначает недопотребление различных предметов. Если для развитых капиталистических стран XIX века была характерна физиологическая депривация, недопотребление продуктов питания, то для XXI века характерна духовная депривация или постматериальная депривация. Население стран развитого капитала в основной своей массе накормлены и одеты, но по-прежнему существуют серьезные денежные препятствия в удовлетворении социокультурных потребностей, препятствия в самореализации индивида как социального существа. Нормальное и избыточное потребление продуктов питания привело к тому, что население тех же США прибавило многократно в весе. Смертность людей, связанная с ожирением, по статистике вышла на первое место в странах Европейского Союза. Тогда как в России еще большое количество людей питается ниже рациональных норм потребления продуктов питания. Так, по маслу недопотребление составляет 25 %, по рыбе – 45 % и т. п. Здесь речь идет о том, что избавление индивидов от физиологической депривации переносит границу конфликтной обусловленности в социокультурную депривацию. Однако и здесь граница конфликта отодвигается за счет отлаженного механизма культивирования таких обстоятельств, которые не позволяют индивиду вырваться из плена духовно-суррогатного потребления. Культивирование культуры потребления, престижности в потреблении не позволяет человеку вырваться за пределы своей практической или эгоистической потребности. Человек в своем сознании не поднимается над самим собой, не вырывается за пределы самого себя, а наоборот, все в большей степени уходит внутрь себя, становится индивидуализированно-атомарным, а не социальным существом.

Человека заставляют осознавать лишь то, что его обстоятельства есть плод его способностей, есть плод его индивидуальных качеств, а не качеств того общества, которое он создает. Он не может осознать, что вне обмена, который является жизненной основой всей его деятельности, могут существовать и существуют иные способы взаимодействия, неконкурентные способы взаимодействия, способные органично сочетать личные и общественные интересы. В то же время граница конфликта располагается в таких обстоятельствах, которые разрушают привычный уклад жизни индивидов. И чем сильнее это разрушение, тем в большей степени наступает со стороны индивида период осознания, что необходимо создание таких обстоятельств, которые не препятствовали бы нормальному ходу вещей, не уничтожали бы тот круг потребностей, который стал привычным, а тем самым разумным для индивида. Как наркоман, заточенный в тюрьму или в профилакторий, готов пойти и идет на конфликт ради того, чтобы вернуть обстоятельства, которые являются для него привычной средой обитания, так и любой индивид, если только он не удерживается силой, стремится вернуться к тем обстоятельствам, которые являются для него питательной средой. Отличие здесь видится лишь в том, что наркоман хотел бы, чтобы все общество было наркотизированным, не наркоман – чтобы все общество было удовлетворенным.

Экономические кризисы, а для России эти условия не были привычными, являются катализаторами поиска таких обстоятельств, которые позволяли бы индивиду обрести свободный доступ к удовлетворению своих потребностей. Но так как кризис усугубляет и без того неудовлетворенное положение индивидов, то он формирует в их сознании нацеленность на борьбу за свое существование. Эта нацеленность, как показывает практика, приобретает различные формы. В первую очередь происходит распад семьи. Если обратиться к бракоразводной статистике, то можно заметить, что в период кризиса увеличивается число разводов и уменьшается число браков. 2008 год нам указывает именно на то, что браков по сравнению с предыдущим годом уменьшилось на 83,8 тысяч, а разводов увеличилось на 17,5 тысяч. Можно сказать, что один год не является статистическим основанием для представленных суждений. Однако и только к осени 2008 года стало ясно, что страна входит в рецессию. Поэтому можно заранее предположить, что в последующие годы увеличение разводов и снижение браков будет существенным. Как это и произошло на самом деле. По данным Росстата в 2010 году на 1 215 066 браков пришелся 639 321 развод. Больше чем каждая вторая пара в России прервала семейные отношения [11]. В 2013 году на 1 225 501 браков пришелся 667 971 развод [5]. Понятно, что в кризис каждый стремится освободиться от всевозможного рода экономических и социальных обременений. Семья относится к такому обременению, и она разрушается, порождая огромное множество социальных проблем.

Другой такой проблемой становится рост преступности. Да и сам кризис увеличивает потребность в преступлениях. Освобожденные от семейной опеки и поддержки индивиды лишь составляют материал для преступлений, а вот потребность в нарушении закона, норм нормальной жизни проистекает от изменившихся в худшую сторону обстоятельств. Для того чтобы выжить, предпринимателю, у которого доходы в лучшие годы экономического процветания и так не были большими, во время кризиса совершенно исчезают, становится необходимым условием его существования нарушение установленных норм для периода экономического процветания. Увеличивающиеся зоны внеправового взаимодействия, возрастающая конкурентная борьба заставляет тех предпринимателей, у которых доход начинает стремительно сокращаться, искать неправовые методы поддержания дохода хотя бы на прежнем уровне. Из такого положения среднего и малого предпринимательства порождается нацеленность на борьбу, но эта нацеленность приобретает реальную борьбу с государством и теми законами, которые оно предложило среднему и малому бизнесу и которые последние могут исполнить лишь ценой своей гибели. Пока государство осознает тот факт, что законы процветающей экономики не могут быть исполнены в экономике рецессивной, огромное количество предпринимателей идут по миру, пополняют ряды наемных работников, а то и асоциальных элементов.

Рост преступности – это также одна из форм нацеленности на борьбу индивидов, которая возникает в результате экономических кризисов. Разновидности преступлений порождаемых кризисом в большей степени определяются поиском источника дохода индивидами, оставшимися без него. Поиск источника дохода становится мотивом и основной причиной увеличения числа лиц, зарабатывающих себе на жизнь преступным образом. В 2008 году индивидами без постоянного источника дохода было совершено 60 % всех преступлений, тогда как в 1992 году данными индивидами совершено всего 25 %, а в 1990 году – 16,9 %. Доля лиц без постоянного источника дохода, совершающих преступление неуклонно растет и в 2013 году уже составила 65,7 % всех преступлений [3].

В кризисный период усиление нацеленности на борьбу за доход с целью поддержать свое существование сопровождается увеличением преступности в этот период. Получается, что преступность поддерживается всей неустойчивой системой экономики и политики современного государства. Преступления, связанные с перераспределением дохода или общественного богатства, являются атрибутом капиталистической системы. Наличие посто-

янного источника дохода для всех граждан страны, конечно, снизило бы количество преступлений. Но это снижение, во-первых, в капиталистическом хозяйстве невозможно, а, во-вторых, не нужно. Невозможно потому что капиталистическая система не может существовать и воспроизводиться без резервной армии труда, не нужно, потому что капиталистам пришлось бы отыскивать иные средства поддержания страха в обществе, помимо преступности. А так как преступность живет перераспределением в основном заработной платы, то получается, что наемные работники на свою же заработную плату содержат и преступность и преступников. Наемные работники как унтер-офицерская жена сами себя же и высекают.

Современная социэкономическая система не может функционировать успешно в режиме отсутствия резервной армии труда, безработных, индивидов, которые не заняты не по причине того, что они не располагают некоторыми способностями, а по причине социальной немощности современного капитализма. Без преступлений современный капитализм не может существовать. Огромная численность безработных, колеблющаяся сегодня в диапазоне 5–6 млн человек, огромная армия индивидов без постоянного источника дохода, которые уже не считаются и безработными и превышают показатели Росстата в 3–4 раза [13], содержится работающей частью общества. С одной стороны, они содержатся за счет социальной политики, с другой стороны, за счет разбоя и краж у тех, кто их содержит не только на свободе, но и в местах не столь отдаленных.

Порожденная обществом частной собственности преступность поддерживает каждого индивида в постоянном страхе потери либо жизни, либо имущества. И это свойство общества, вытекающее из законов частной собственности, порождать социальные слои-паразиты таит в себе угрозу распада, деградации и кризисов. В каждый период кризисного состояния общества перед ним встает вопрос о жизни либо капитализма, либо общества, который различными силами решается в зависимости от интереса. На данном противоречии выстраивается конфликт как не только свидетельство того, что данное противоречие требует разрешения, но и как средство разрешения данного противоречия.

Конфликт в современной действительности является универсальным критерием состояния общества, универсальным способом развития по пути прогресса. Это предназначение конфликта есть прямое следствие и единственный способ исправления законов частной собственности. Упование на управленческий авторитет, его всесильность и эффективность не спасает положения и эффективно лишь тогда, когда общественные интересы не будут противостоять индивидуальным интересам, индивидуальные интересы не будут противостоять общественным. Этого частная собственность дать не может, и потому конфликт сохраняет свое значение и в таких обществах, где демократия достигла своего расцвета. В рамках политической, правовой, суверенной, да и, как показывает многолетняя практика нахождения у власти, социальной демократии решить социальные проблемы окончательно невозможно.

Эвристический потенциал структурно-системного анализа конфликта

Внутренняя структура конфликта, делающая конфликт системным образованием, предоставляет нам возможность не только рассматривать конфликт как систему, но и выявить роль и значение каждого элемента конфликта, степень его зрелости и готовности быть объективным основанием конфликта либо его субъективным основанием. Тем самым в анализе конфликта необходимо помнить об объективно-субъективном характере проявляющегося конфликта, о том, что конфликт может проявиться во взаимодействии индивидов лишь при условии созревания объективных условий и готовности субъективных элементов конфликта. Отсутствие этих двух условий, даже если налицо объективные предпосылки конфликта, заложенные в современном обществе частной собственности, конфликта нам не явят, он так и останется потенциальной альтернативой позитивным способам взаимодействия индивидов. Тем самым гражданско-партийные силы общества, желающие преобразования общества в направлении прогресса, не только должны понимать, что без конфликта этого невозможно сделать, но и что использование конфликтных форм взаимодействия возможно лишь при условии созревания объективных и субъективных элементов конфликта.

В результате предложенного понимания внутренней структуры системного характера конфликта можно сделать некоторые выводы.

- В литературе по анализу конфликтов нет единой точки зрения на определение понятия «конфликт». Определения конфликта, господствующие в современной отечественной литературе, не рассматривают конфликт как негативный способ взаимодействия, в результате которого осуществляется отрицание положения индивида в объединении или сфере жизни, и утверждение этого положения одновременно. Конфликт рассматривается в основном через призму субъективности и потому все устремления исследователей направлены на то, чтобы доказать, что конфликт есть состояние психики, сознания, неадекватное современным демократическим требованиям поведение эгоистического индивида, т. е. доказать, что конфликт возникает в сознании индивида и выражается в его поступках, направленных на удовлетворение корыстной потребности и может быть разрешен толерантной прививкой, непотворением злу насилием, благотворительностью, регулируемой конкуренцией, социальной политикой, диалогом, переговорами и, наконец медиацией, этим модным и ставшим законным посредничеством, этой наивысшей панацеей от конфликтов. Однако как только бедные начинают заявлять о своих правах, как только в Лондоне, Манчестере и Ливерпуле начинается революция бедных пригородов против богатого центра, терпимость и демократия правительства прекращается. Терпимость превращается в «нулевую терпимость», а демократия в свою противоположность – в реакцию, направленную на подавление всех демократических свобод, начинает проявлять себя полицейская сущность современной демократии, начинает проявлять себя насильственный характер современного государства, скрывающего сущность Левиафана под одеждой лжи, обмана и лицемерия.

- Наиболее перспективным анализом конфликта является раскрытие его потребностно-деятельного характера, как совокупности действий и взаимодействий, предпосылкой и результатом которых являются потребности людей. В рамках потребностно-деятельностной теории конфликта выясняются причины конфликта, которые кроются в его ущемленных материальных и духовных потребностях. Потребность, овладевшая индивидом, уже сама является силой, направляющей его к ее удовлетворению. «Если потребности... врожденны или глубоко укоренены в природе (человека – авт.), то будут предприниматься любые усилия и использоваться любые средства, какие только возможны и доступны, чтобы их удовлетворить» [1, с. 207]. Ущемленная потребность, не получающая своего удо-

удовлетворения, в рамках сложившихся условий и как части этих условий – отношений, тем более становится силой, энергия которой удваивается, в результате ущемления базовых потребностей индивида. «...Потребности обладают такой побудительной силой, которая превосходит силу полиции и военную силу, что они... заставляют индивида... игнорировать требования согласия и что они объясняют и даже оправдывают при определенных обстоятельствах антисоциальные и насильственные формы поведения» [1, с. 200]. Ущемленные потребности есть предпосылка конфликта, а сам конфликт есть способ достижения наиболее приемлемых для индивида потребностей и условий их удовлетворения. Траектория возникновения потребностей и их удовлетворения сопряжена с конфликтными способами и каждая новая потребность, условия ее удовлетворения, признание этого удовлетворения как социально значимого сопровождается конфликтом. Как превращение труда в капитал проходит через конфликт, так и появление потребности и ее реальное удовлетворение проходит через конфликт. Возникающие различные способы удовлетворения потребностей и способы взаимодействия индивидов в обществе, по существу, есть одно и то же. Способ взаимодействия не может быть ничем иным, как способом взаимодействия ради чего-либо. Нет способов взаимодействия, которые, в конечном счете, не были бы направлены на удовлетворение потребностей. В силу чего конфликт как негативный способ взаимодействия – это способ взаимодействия по поводу неудовлетворенных или ущемленных потребностей. В связи с этим предотвращение конфликта или его разрешение всегда, в конечном счете, должно иметь целью удовлетворение потребностей индивидов. Если Р. Дарендорф полагает, что политический конфликт есть столкновение прав человека с их обеспечением со стороны государства, то тем самым он, на языке права и политики, говорит о столкновении индивидов, неудовлетворенных своими потребностями, с политической оболочкой их удовлетворения, с государством, которое либо по воле буржуа, либо бюрократии ограничивает сферу удовлетворения потребностей индивидов. В целом потребностно-деятельностная теория конфликта наиболее реалистична, т. к. понимает конфликт как такой способ взаимодействия, при котором нацеленность на борьбу, сам негативный способ взаимодействия, вытекает и определяется ущемленной потребностью и условиями, в которых данная потребность удовлетворяется.

• Внутренняя структура конфликта в связи с пониманием его как негативного способа взаимодействия индивидов, нацеленных на борьбу за изменение и сохранение своего положения в объединении, образует систему. Рассмотрение конфликта как системы, в которой нет противоречий между элементами и образуемыми этими элементами связями, позволяет объяснить не только причины конфликтного взаимодействия, не только предполагаемые результаты, но и конфликт как целостное и органическое образование, элементы которого находятся в единстве и взаимозависимости. Системный анализ позволяет уяснить наличие и зрелость объективных элементов конфликта, а также готовность, зрелость и энергию субъективных его элементов. Рассмотрение конфликта как системы взаимосвязанных между собой элементов позволяет увидеть в проявляющихся конфликтах те противоречия гражданского общества, которые не могут быть решены путем согласований и переговоров. То есть конфликт в данном случае для исследователей и политиков становится критерием кризиса, степени напряжения социальных отношений, их антагонизма. Конфликт является лакмусовой бумагой отношений, скрывающихся за толщей иллюзий о состоянии современного общества, за результатами, выводами и рекомендациями, ангажированных современной политикой, научных исследований. Системный анализ также позволяет уяснить конфликт как средство или инструмент настройки разрушающихся отношений в гражданском обществе. Но конфликт может быть инструментом только в том случае, когда все элементы конфликта налицо и когда эти элементы обладают достаточной степенью зрелости и готовности. Потенциал разрушения и уничтожения, свойственный конфликту, в каждом конкретном случае определяется носителями конфликта, неудовлетворенного интереса и ущемленной потреб-

ности. Системный анализ конфликта позволяет прийти к выводу о том, что конфликт должен быть включен в систему государственного управления. Конфликт должен стать элементом этого управления. Это значит, что система государственного управления должна не только учитывать последствия управления, выливающиеся в конфликт, но и управлять самим конфликтом посредством воздействия как на объективные, так и субъективные элементы конфликта. Государство обязано взять под собственный ответственный контроль объективные и субъективные факторы, определяющие конфликт, ибо «...лучшая форма государства – та, в которой общественные противоречия не затушевываются, не сковываются насильственно, следовательно, только искусственно, только по видимости. Лучшая форма государства – та, в которой эти противоречия доходят до открытой борьбы и тем самым находят свое разрешение» [9, с. 141].

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под конфликтом с позиций деятельностного подхода?
2. Из каких внутренних элементов состоит конфликт?
3. В чем сущность системного характера конфликта?
4. Какова роль потребностей в понимании конфликтного взаимодействия в обществе?
5. Что такое состояние нацеленности на борьбу?
6. Что понимается под негативным способом взаимодействия?
7. Какую роль в конфликтном взаимодействии играет положение индивидов в объединении?

Литература

Основная

1. Бертон Д. Теория потребностей / Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / Под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чупрыниной; В 3-х т. – Т. 3. – Алматы: Конфликтологический центр, 2002.
2. Давыдов Л. В. Конфликтная природа безопасности: методологический аспект: Монография. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

Дополнительная

3. 66 % лиц, совершивших преступления в 2013 году, не имели постоянного источника дохода, 48 % уже совершали преступления раньше // «Демоскоп Weekly». – Электрон. СМИ. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/barom04.php> (дата обращения: 07.07.2014).
4. В штате Вашингтон официально разрешили употреблять марихуану / «Балтийское информационное агентство». – Электрон. СМИ. URL: <http://www.baltinfo.ru/2012/12/06/V-shtate-Vashington-oficialno-razreshili-upotreblyat-marikhuanu-321916> (дата обращения: 06.07.2014).
5. Демография. Браки и разводы // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.07.2014).
6. Дмитриева С. Г. Войну наркотикам должна объявить власть. Как мы это понимаем? // ЕСАД. – 25 января 2005 года.
7. Докризисный уровень безработицы // Эксперт Online. – Электрон. журн. URL: <http://expert.ru/2011/07/14/dokrizisnyij-uroven-bezrobotitsyi> (дата обращения: 11.09.2012).
8. Зачем рост цен на сигареты, если курить негде? // dengi.161.ru [Электронный ресурс]. URL: http://dengi.161.ru/text/news_fin/681942.html?full=3 (дата обращения: 06.07.2014).
9. Маркс К. Июньская революция / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Издание второе. – Т. 5. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.
10. Минздрав потратит на пропаганду здорового образа жизни в 2011 году 300 млн рублей / «Российская газета». – Интернет-портал. URL: <http://rg.ru/2011/04/20/minzdrav-zog-anons.html> (дата обращения: 06.07.2014).
11. Надежный причал // Молодежный экспресс [Электронный ресурс]. URL: <http://mol-express.com/publ/30-1-0-547> (дата обращения: 12.11.2013).
12. Форум Криминала. Нет [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.kriminala.net/topic56698.html> (дата обращения: 24.07.2014).
13. О реальной безработице // «Советская Россия». – Независимая народная газета. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=595599&pagenum=1> (дата обращения: 07.07.2014).
14. Сенат США принял закон о запрете табачной рекламы / Новостное агентство «World News Agency» [Электронный ресурс]. URL: <http://wlna.info/world/10545-senat-sshapriynal-zakon-o-zapr.html> (дата обращения: 11.07.2014).
15. Сунами А. Н. Формирование общественного мнения в антинаркотической политике современной России / Дисс. на соиск. уч. степени канд. полит. наук. – СПб., 2014.

16. Ученые доказали безвредность марихуаны для легких //ePor.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://ePor.ru/news/1552/> (дата обращения: 06.07.2014).

17. Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Издание второе. – Т. 22. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.

18. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Издание второе. – Т. 21. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

Лекция 3

Социальные изменения и конфликт

Основные стратегии подходов к анализу социальных изменений

Развитие современной социальной теории рассматривается в литературе как непрерывный поиск ответов на три тесно связанных между собой вопроса: «Что такое действие?», «Что такое социальный порядок?» и «Что такое социальные изменения?». Наверное, лучшей работой по теории социальных изменений до сих пор остается фундаментальное исследование П. А. Сорокина «Социальная и культурная динамика». В работе П. Штомпки «Социология социальных изменений» представлено полное описание теоретических подходов, что позволяет адресовать слушателей к ней и избежать в данном курсе лекций необходимости подробно описывать историю вопроса.

Классический подход (Ч. Дарвин, О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), в основе которого лежит «органическая метафора» (сходство общества и биологического организма), исходит из постоянного и необратимого развития общества от низших форм к высшим по восходящей линии. Эта теория неоднократно подвергалась обоснованной критике за игнорирование нарастающей конфликтности социальных систем, которая в истории человечества неоднократно приводила к отступлениям, регрессу, провалам и даже гибели государств и цивилизаций.

Системная модель (Талкотт Парсонс) предполагает, что под социальными изменениями понимаются различия между состояниями одной и той же системы, которые возникают одно за другим во времени. Состояние системы не одномерно, оно представляет собой обобщенный, суммарный результат состояния многих компонентов, посредством комплексного взаимодействия которых система обретает некие общие характеристики: равновесие или неустойчивость, консенсус или несогласие, гармония или раздоры, кооперация или конфликт, мир или война, процветание или кризис. Изменения могут быть частными, ограниченными, когда целостность системы сохраняется и не претерпевает глобальных преобразований, несмотря на постепенные изменения, протекающие внутри. В других случаях изменения могут охватывать все или, по меньшей мере, основные компоненты системы, приводя к ее полному перерождению и заставляя относиться к новой системе как к принципиально отличной от прежней. Данный тип радикальной трансформации называется изменением самой системы. По Парсонсу, общество является относительно устойчивой, интегрированной и стабильной структурой элементов, каждый из которых вносит свой вклад в поддержание устойчивости системы. Функционирование общества основывается на ценностном консенсусе, интеграции, стабильности. Конфликты, т. е., по сути, процессы распада, возникают как следствие недостаточной интеграции, разрешить их может реинтеграция.

Какие структурные изменения в социальных взаимосвязях являются решающими? П. Штомпка приводит следующие основные определения представителей данного подхода:

- в организации общества;
- в образах мышления и образцах поведения;
- в отношениях между индивидами, группами, организациями, культурами и обществами;
- в институтах и социальных структурах.

Концепции «социального процесса» – «метафора роста», т. е. поступательного от низшей к высшей стадии развития. Процесс – любое изменение объекта в течение определенного времени (изменение его места в пространстве или модификация его количественных или качественных характеристик). Эта концепция помогает определить изменения, относящиеся к самой системе (происходящие в ее рамках и трансформирующие ее как целое). Изменения либо случайно связаны друг с другом (одно частично является каузальным условием другого, а не просто сопровождающим и предшествующим ему фактором), либо следуют одно за другим на протяжении определенного времени.

Среди социальных процессов выделяют «социальное развитие». Это направленный процесс, в котором ни одно из состояний системы не повторяется ни на какой предыдущей стадии, а на более поздней выходит на более высокий уровень в какой-либо сфере. Система последовательно приближается к некоему всеобщему состоянию. *В нашем курсе важно, что в этих теориях «девелопментализма» (развития) конфликты разрешаются благодаря появлению качественно новых форм социальной жизни.* Теория развития, таким образом, предполагая неизбежность, необходимость и необратимость описываемых процессов, легко переходит в фаталистический и механистический взгляд на изменения, согласно которому последние не зависят от человеческих действий, свершаются помимо людей и ведут к predetermined финалу. Критики этой теории указывают, что, например, в области политики существуют инволюции разного рода (например, диктаторские режимы), а современные социальные институты неспособны обеспечить безопасность граждан и справедливость при осуществлении социальной политики. Главный пафос критиков девелопментализма направлен на его тезис о том, что конфликты разрешаются благодаря появлению качественно новых форм социальной жизни. Между тем, если мир в целом не столько прогрессирует, сколько трансформируется, то следует активно влиять на трансформационные процессы.

Модель динамического социального поля – метафора «социальной жизни», метафора «поля». Эта метафора имеет прообразом электромагнитное поле, границы заметного действия которого подвижны, т. к. находится в непрерывном изменении. Внимание сосредотачивается, во-первых, на динамических качествах социальной реальности, т. е. на восприятии общества в движении («процессуальный образ»), и, во-вторых, на стремлении не рассматривать общество как объект, т. е. социальная реальность дематериализуется («образ поля»). Суть данного доминирующего динамическо-процессуального подхода – «изучать события, а не вещи, процессы, а не состояния».

Российский социолог Владимир Ильин, опираясь на классические исследования П. Бурдьё, П. Штомпки и др., предложил следующее понимание социального поля как ситуации взаимодействия, порождающей новое системное качество. В результате не отдельные элементы, а социальное поле предопределяет поведение человека. Попав в одно поле, люди, разные по своему характеру, взглядам и манерам поведения, начинают вести себя сходным образом. Столкновение, переплетение социальных процессов образует участки пространства, где возникают «социальные водовороты». Социальное пространство прерывисто и распадается на социальные поля – основные его единицы, представляющие собой узлы переплетения тех или иных процессов. Например, в поле конфликта миролюбивые люди начинают вести себя агрессивно и злобно. Вернувшись в мирную жизнь (мирное поле), они возвращают свой прежний облик – одни быстрее, другие медленнее [24].

П. Штомпка следующим образом поясняет именно социальный смысл метафоры. Общество рассматривается не как статичное, стабильное состояние, а как процесс, как постоянно длящийся, бесконечный поток событий. Общество – группа, общность, организация, национальное государство – может быть определено как существующее лишь постольку и до тех пор, пока внутри него что-то происходит, что-то меняется. Реальны постоянные конфликты и напряженности, процессы группировки и перегруппировки, а не ста-

бильные состояния. Общество рассматривается не как жесткая, «твердая» система, а как «мягкое» поле взаимоотношений. Любой социальный порядок содержит встроенные в него подструктуры (роли, отношения, институты и т. п.), которые берут на себя функцию расшатывания и преодоления действующего социального порядка. Причем эти подструктуры существуют в обобщенном смысле легитимно, они охраняются обществом наряду с другими компонентами социального порядка, в том числе отвечающими за его стабильность. Роль (функция, миссия), которая осуществляется этими подструктурами в рамках социального порядка – «преодоление структуры» (это не столько видимые нарушения социального порядка и деструктивное социальное поведение, сколько то, что подготавливает бунт и другие проявления массового протеста). В теории Парсонса стабильность социальной системы рассматривается как благо, а существенные изменения как аномия, т. е. состояние неопределенности – одни нормы и правила вступают в конфликт с другими.⁹

---

⁹ По определению Р. Мертона, аномия – «распад в культурной структуре, происходящий в особенности тогда, когда существует острое расхождение между культурными нормами и целями и социально структурированными возможностями членов групп действовать в соответствии с данными нормами культуры». (Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – С. 284.) Само понятие «аномия» ввел Э. Дюркгейм, связывая с ним конфликты. «Поскольку ничто не сдерживает существующие силы и не очерчивает им границ, которые они бы уважали, они стремятся неограниченно, взаимно подавить и покорить друг друга. Конечно, сильнейшим удастся подавить слабейших и подчинить их себе. Но подчиненный, если и покоряется на какое-то время гнету, который он вынужден терпеть, все-таки с этим не согласен, и, следовательно, в результате не сможет установиться устойчивое равновесие. Насильно навязываемые перемирия всегда носят временный характер и не удовлетворяют людей. Человеческие страсти успокаиваются только перед лицом нравственной силы, которую они уважают. Если всякий авторитет такого рода отсутствует, то господствует право сильного и явное или скрытое состояние войны непременно становится хроническим». (Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. – М.: 1995. – С. 176–177.)

Понятие, типы и основные элементы социальных изменений

Теоретический анализ процесса социальных изменений современной России – все еще относительно слабая область в отечественной социальной науке.

Социальные и политические кризисы, катастрофы и революции оказались в российской истории неожиданными. Зачастую в рамках существующих социологических и политологических теорий для происходящих перемен не удается предложить адекватные объяснения. Как писал Питирим Сорокин, «накануне войны большинство ученых предсказывали мир; накануне экономического краха и обнищания – процветание; накануне революций – стабильный порядок и закономерный прогресс. Несмотря на все находящиеся в нашем распоряжении общественные и естественные науки, мы не способны ни управлять социально-культурными процессами, ни избегать исторических катастроф. Как бревно на краю Ниагарского водопада, нас приводят в движение непредвиденные и непреодолимые социально-культурные течения, перенося нас от одного кризиса и катастрофы к другим» [32, с. 487].

Еще раз подчеркнем, что П. Штомпка поставил во главу угла следующее утверждение: отличия должны касаться различных временных моментов и состояний одной и той же системы, одного и того же наблюдаемого социального объекта [15, с. 21]. Общество является целостным образованием, имеющим свою жизнь, не сводимую к существованию составляющих его людей, особым субъектом, развивающимся по своим только ему присущим законам. Общество – живой организм, подчиняющийся внутренней логике саморазвития и реагирующий на стимулы и внутренние и внешние вызовы.

Главные противоречия, которые возникают в обществе, – это противоречия по вопросам единства территории, единства экономической жизни, общности языка, единства социальных норм, стереотипов и ценностей, позволяющих группам людей устойчиво взаимодействовать. Важным является и наличие или отсутствие у индивидов, образующих сообщество идентификации с данным сообществом как со «своим», выполняющим «защитную» функцию от «не своих». Зигмунт Бауман пишет: «из всех различий и разделений... одно различие проявляется сильнее и больше влияет на мои отношения с другими – различие между „мы“ и „они“ . „Они“ – это не „мы“, и „мы“ – это не „они“; что такое „мы“ и „они“ можно понять, только рассматривая их вместе, во взаимном конфликте» [18, с. 47].

Современный мир характеризуется высокой степенью интенсивности изменений и глубиной конфликтов. Классик современной социологии Энтони Гидденс высказался на этот счет так: «Мы живем сегодня в эпоху ошеломляющих социальных изменений, отмеченных трансформациями, которые радикально отличаются от трансформаций прежних периодов... Глобальные размежевания становятся все более решающими». Он использует интересную «часовую метафору». Человечество существует на Земле уже около 500 000 лет. Сельское хозяйство, служащее основой любого постоянного поселения, насчитывает только 12 000 лет. Возраст цивилизаций составляет в лучшем случае 6000 лет. Если мы будем отсчитывать человеческую историю в минутах, начиная с полуночи, то появление земледельческих обществ придется на 23 ч 56 мин, а цивилизаций – на 23 ч 57 мин. Развитие современных обществ начнется только за полминуты до наступления следующего дня! Однако совокупные изменения, произошедшие за весь день, едва ли окажутся больше, чем свершившиеся в эти последние 30 секунд.

Социальные теории создаются, чтобы не только понять прошлое и современность, но и установить некоторую закономерность для предсказания будущего.

Изменения – это различия между тем, что представляла система в прошлом, и тем, что стало с ней через определенный период времени. Типы социальных изменений многообразны. Они могут охватывать всю социальную систему, а могут отдавать приоритет какому-либо из указанных условий своего существования, ведя общество к развитию или упадку.

Изменение – естественная форма бытия всех объектов и явлений, представляющая собой постоянный переход из одного состояния в другое. Поэтому в истории не было и не может быть лишённых действия и развития человеческих сообществ. Социальные изменения трудно поддаются точному определению, потому что в том или ином смысле все в мире подвержено постоянному изменению. Греческий философ Гераклит говорил, что невозможно войти дважды в одну реку. Во второй раз вода будет другой, поскольку течет беспрерывно, да и человек за короткий миг успевает претерпеть (пусть незначительные) изменения. Хотя до некоторой степени это наблюдение справедливо, все же в повседневной жизни мы могли бы утверждать, что в обоих случаях это будет один и тот же человек и одна и та же река. Река не поменяет свое русло или течение, а человек – индивидуальность или физическое состояние. «Мы можем говорить о социальном изменении, если за указанный промежуток времени существенным образом изменилась сама структура объекта или ситуация в целом, а в случае с человеческими обществами – основные социальные институты. При этом необходимо в качестве отправной точки отсчета брать то, что остается неизменным» [21, с. 48–51].

И. Валлерстайн центральным для многих современных дискуссий считает вопрос – «Что истинно: изменение вечно или ничто никогда не изменяется»? В той степени, в которой можно говорить о существовании системы, предполагается, что «ничто никогда не изменяется». В той степени, в какой утверждается, что система «историческая» по своему характеру, подразумевается, что «изменение вечно».

При всех многочисленных подходах к определению *социального изменения* большинство авторов вполне солидарно с тем, что это – *различие между состоянием социальной системы в определенный момент и состоянием той же самой системы в другой момент, на другом отрезке времени (П. Штомпка); существенные перемены за определенный промежуток времени, которые меняют базовую структуру общества или ситуацию в целом (Э. Гидденс).*

Заслуживает внимания предложенная П. Штомпкой типология социальных изменений. Главным в его модели являются:

- изменение состава социальной системы – миграции, набор (рекрутирование в группу) новых членов, мобилизация, организационная реформа;
- изменение структуры системы – появление новых структур взаимодействий, интересов, норм, ценностей, ролей, идей;
- изменение функций, исполняемых элементами общества;
- изменение границ системы;
- изменения в окружении системы.

Согласно Валлерстайну, при рассмотрении социальных изменений конкретной исторической системы следует анализировать прежде всего три темы.

• Генезис системы – как произошло, что историческая система появилась в определенное время и определенном месте и именно таким образом, а не иначе?

• Вопросы системной структуры – по каким правилам данная система, или данный тип исторических систем, функционирует? Какие институты обеспечивают соблюдение этих правил? Каковы сквозные тенденции системы?

• Период конца системы – каковы противоречия системы и на каком этапе они выходят из «повиновения», способствуя системной бифуркации, вызывая смерть системы и возникновение одной новой или нескольких систем?

Еще одна парадигма исследований (Г. А. Сатаров) – поиск схем научного обоснования и разрешения следующих проблем.

- *Почему социальные изменения возможны вообще?* Ведь человек способен выживать только в условиях жесткого социального порядка. Стабильность – универсальная ценность, имеющая институализированные и организационные формы. На охрану стабильности социального порядка общество тратит значительные ресурсы, создавая институты подавления, подкрепляющие привычки, традиции, сыновнее послушание и другие установления только для обеспечения этой стабильности. На этом фоне возмущения социальной среды, предпринимаемые «диссидентами», кажутся ничтожными.

- *Что в жестком и стабильном социальном порядке приводит к изменениям и позволяет им произойти?* Ведь весь процесс социализации человека сопряжен с встраиванием в окружающий его социальный порядок, жесткость которого создает ощущение комфорта, ибо стремление к жестким линиям и ясным концепциям заложено в человеческой природе. Социальный порядок – не только ограничение, но также условие и возможность существования и деятельности, это «кожа», привычная и защищающая индивида. Нетрудно заметить, что главным является вопрос о причинах зарождения сомнений в этом социальном порядке, в его правильности, справедливости и стабильности.

В литературе (Плотинский Ю. М.) называют следующие основные типы причин социальных изменений, которые могут являться как внутренними, так и внешними по отношению к данной социальной системе:

- природные причины – истощение ресурсов, загрязнение среды обитания, катаклизмы;
- демографические причины – колебания численности населения, перенаселенность, миграция, процесс смены поколений;
- изменения в сфере культуры, экономики, научно-технический прогресс;
- социально-политические причины – конфликты, войны, революции, реформы;
- социально-психологические причины – привыкание, насыщение, жажда новизны, рост агрессивности.

Чтобы дать более полную картину социальных изменений, надо понимать, почему, однажды начавшись, изменения далеко не всегда завершаются, и что блокирует изменения?

Современный исследователь Джефф Малган выделяет четыре силы консерватизма, являющиеся огромными помехами для изменений.

- *Эффективность* внутри системы. Со временем многие разрозненные элементы «оптимизируются, притираются и приспособляются» друг к другу. Чтобы та или иная система изменилась, требуется общее признание того, что она перестала быть эффективной и что все ее достоинства меркнут перед ее куда более значительными недостатками.

- *Влияние групп интересов.* В любой успешной социальной или экономической системе большинство делает большие ставки на стабильность. Элита защищает свои привилегии, будучи искренне убежденной в том, что людям, за счет которых она живет, без нее будет хуже (значительная доля верхнего 1 % в любом обществе убеждена, что 99 % извлекают выгоду из их успеха). Риски, связанные с изменениями, кажутся большими по сравнению с выгодами сохранения существующего порядка. Многие инвестировали время и деньги в прошлые практики, от которых они не хотят отказываться или которые не хотят растаскивать по частям. В стабильных обществах самые острые конфликты заминались или улаживались при помощи компромиссов, а перемены могут заставить их снова выйти наружу. Группы интересов, являющиеся главными бенефициантами статус-кво, научились пользоваться системой в свое удовольствие и представлять себя незаменимыми.

- *Психика.* Любая социальная система застывает в умах людей в форме допущений, ценностей и норм. Чем более эффективной кажется система, предоставляющая людям без-

опасность и процветание, которых они жаждут, тем сильнее укореняются ее характеристики и тем больше они становятся частью чувства идентичности людей. Стабильность порождает инерцию, ибо кажется, что система указывает людям внутри нее, что делать и что считать правильным. Как писал Йозеф Шумпетер, «социальные структуры, социальные типы и взгляды, подобно монетам, не стираются быстро. Однажды возникнув, они могут существовать столетиями» [35, с. 32].

- *Отношения.* Личные отношения между влиятельными людьми в системе создают дополнительный стабилизирующий фактор в форме социального капитала и взаимных обязательств, они оказываются важнее формальных организационных схем. Неформальные сети крайне важны для обеспечения движения в стабильной системе, но являются серьезным препятствием изменениям. Большинство предпочитает не раскачивать лодку и избегает репутации возмутителя спокойствия: если говорить то, что на самом деле думаешь, можно оказаться в социальной изоляции.

Существует множество различных подходов к объяснению данных вопросов. При этом сохраняет актуальность вывод Р. Будона – ни одна из рассматриваемых нами концепций не может быть принята в качестве универсальной, но каждая в определенных границах имеет познавательный ресурс.

Не случайно Джефф Малган, подчеркивая, что без теории изменения усилия улучшить положение вещей являются тщетными, и все хотели бы найти точку опоры, единый ключ к любым изменениям, тем не менее, утверждает – «все попытки найти единую теорию изменений обречены на провал». Почему?

- Изменения происходят разными путями в разных областях и у них не может быть общей формы.

- Ритмы изменений для различных сфер общества, например, для политических конституций, сексуальных норм или моды очень разные. Так, Р. Дарендорф утверждал, что для проведения политических реформ достаточно 6 месяцев, экономические реформы можно осуществить за 6 лет, но процесс изменения менталитета, жизненных стилей может потребовать нескольких поколений.

- Поскольку изменения всегда предполагают конкуренцию и конфликт, то, что сработало в одной ситуации, может не сработать в другой.

Одну из наиболее любопытных теорий социальных изменений предложил Роберт Мертон. Он полагал, что сами институты способны превратиться в дестабилизирующий фактор, становясь дисфункциональными.

Их латентная дестабилизирующая функция в конкретной общественной системе может принести пользу в том смысле, что делает явной необходимость реконструкции системы [36, с. 38].

Иными словами, любой социальный порядок содержит в себе зародыш своего отрицания. «Непорядок» в общественном устройстве сам по себе не может вызвать напряженности. Пока социальный порядок воспринимается как самоочевидный и естественный, защищающий от вызовов, привычные нормы поведения, функционирование базовых институтов не тяготит подавляющее большинство членов общества, но не в политическом, а в индивидуальном, прагматическом смысле. Накопление невидимых «подструктур преодоления» вынуждает людей предпринимать попытки действий (а в предельном случае – и сами действия), которые начинают выходить за рамки установленных норм. Распространяются формы отклоняющегося поведения (отклоняющегося как от всеобщих правовых норм, так и от локально сложившихся правил и стереотипов социального поведения в конкретном обществе). По мнению российского исследователя Ю. М. Плюснина, при этом включается механизм положительной обратной связи – психоэмоциональное напряжение в обществе способствует тому, что делинквентное, аддиктивное, асоциальное и антисоциальное пове-

дение многими начинает рассматриваться как допустимое, и скорость его распространения все больше нарастает.

Александр Аузан выделяет две основные версии причин, по которым начинаются изменения.

- Гарольд Демсец предполагает, что изменения не могут зародиться внутри системы, нужен внешний шок (резкое изменение климата, эпидемии, техногенные или природные катастрофы, война и т. д.). Систему толкнуло – она начинает расшатываться, и необходимо изменить какие-то правила и обычаи.

- Вторая версия (Дуглас Норт) предполагает, что изменения зарождаются внутри системы, вытекают из самообучения людей.

Таким образом, несмотря на обилие различных научных подходов, центральные элементы процесса изменений заключаются в:

- артикуляции, легитимизации или переформулировании идей, возникновении и исчезновении идеологий, убеждений, доктрин и теорий – поиск новых способов жизни, новых моделей жизнеобеспечения, низкая приспособленность к изменившимся условиям, снижение социального контроля и распространение отклоняющихся форм поведения способствуют разобщенности людей и ведут к образованию «расколов» в социуме;

- институализировании, пересмотре норм, ценностей, правил или отказе от них; возникновении и исчезновении этических кодов, правовых систем, в результате которых нарушаются основы мировосприятия;

- выработке, дифференциации и переформировании каналов взаимодействия, организационных или групповых связей; возникновении или исчезновении групп, кругов общения и личностных сетей, что сопровождается возрастающей готовностью к действиям (которые сами люди рассматривают как вынужденные), направленным против существующего социального порядка ради достижения желаемого состояния;

- кристаллизации, утверждении и перегруппировке возможностей, интересов, жизненных перспектив, подъеме и падении статусов, распределении и упорядочении социальных иерархий – на индивидуальном уровне люди ощущают, что основы их бытования и хозяйствования кардинально изменились или даже разрушены и им надо поменять свое поведение, чтобы сохранить прежние условия жизни либо как-то приспособиться к новым.

Реальная сложность социальной жизни, как отмечает П. Штомпка, заключается в том, что на всех четырех уровнях процессы идут не независимо друг от друга, а наоборот, находясь в многочисленных и многомерных взаимосвязях, имеют различные уровни сложности. Движителями социальных изменений выступают социальные субъекты – от великих деятелей до, казалось бы, хаотически действующих индивидов и само собой организованных общественных движений.

Конфликтная концепция социальных изменений

Как отмечалось, Т. Парсонс в своей концепции социальных изменений акцентировал внимание на нормативных составляющих социальной реальности, предполагая существование стабильного социального порядка как нечто само собой разумеющееся. В конфликтологической парадигме теории социальных изменений артикулируется прежде всего роль открытой борьбы интересов в социальной жизни.

Отметим, что сам Парсонс полагал, что его теорию неправильно поняли или даже грубо исказили – он не отрицал существования социальных конфликтов, а пытался ответить на вопрос об условиях возможности социального порядка. Ответ на этот вопрос, по Парсонсу, не зависит от того, что мы эмпирически наблюдаем в определенной социальной реальности – действие сил, направленных на укрепление порядка, или проявление конфликтотогенных факторов. Однако, как признавали даже сторонники Парсонса, в его теоретической системе не было адекватного понятийного инструментария для концептуализации конфликтов, а работы несут на себе отпечаток искусственной гармонизации, оставляют за скобками факт существования конфликтов и борьбы интересов и, соответственно, изображают весь процесс социальных изменений как непрерывный и однолинейный.

Нейл Смелзер, ученик Парсонса, полагал, что конфликтные интересы обусловлены структурой общества, в котором формируются многочисленные группы с разными целями (различия социально-экономического статуса, вероисповедания, возраста, места жительства, по полу). Главное в теории Талкотта Парсонса, считал Смелзер, в том, что общество нравственно совершенствует человеческую натуру, а применение власти не всегда порождает конфликты между людьми. Поскольку власть осуществляется от имени всего общества, она может оказать благотворное воздействие на все группы (а не только на некоторые из них), например, обеспечить мир и порядок. Если Маркс придавал главное значение борьбе между классами за распределение ресурсов, то Парсонс рассматривал прежде всего процессы координации. Хотя носители различных ролей имеют неодинаковую власть, но эта власть ограничена тем, что политические процессы подчинены ценностям всего общества.

В совместной с Т. Парсонсом книге «Экономика и общество» Смелзер выделяет главные этапы социальных изменений (от полного отрицания нововведений до институализации и рутинизации). Их начало связано с появлением чувства неудовлетворенности и возможности «улучшения положения дел», что вызывает беспокойство, неоправданные негативные эмоциональные реакции с элементами враждебности и агрессии, с одной стороны, и нереалистических надежд и фантазий, с другой. Далее, на основе существующей системы ценностей, осуществляются попытки урегулирования возникших напряжений, сопровождаемые благожелательной терпимостью к новым идеям. После конкретизации этих новых предложений они ответственно реализуются теми, кто принимает на себя риск. В завершающей фазе то, что было нововведением, становится элементом образа жизни и включается в повседневную социальную и экономическую рутину.

Конечно, при таком подходе социальные конфликты не являются центральной темой исследования, хотя Парсонс и его ученики занимались конфликтами как эмпирическими явлениями. Так, например, Роберт Мертон обращал внимание на внутри- и межролевые конфликты, т. е. на то, что в рамках одной и той же роли человеку часто приходится соответствовать разным и даже конфликтующим между собой ожиданиям (например, когда отец или мать предъявляют разные требования к ребенку) или что люди почти всегда вынуждены исполнять несколько разных ролей (например, женщины часто исполняют роль матери и одновременно роль работника), которые нельзя считать абсолютно совместимыми, что тоже приводит к конфликтам. Следуя своим интересам и потребностям, индивиды и социаль-

ные группы вступают во взаимодействие, формируют некоторое, конкретно-историческое пространство своего бытия, цементирующим основанием которого и выступает упорядоченно структурированная система общественных отношений. Именно социальные структуры, по Р. Мертону, и «...порождают конфликт, будучи до определенной, исторически сложившейся степени, лабиринтами социальных статусов, страт, организаций и сообществ, которые имеют общие, хотя и потенциально конфликтные, интересы и ценности» [31, с. 83].

Конфликтная трактовка социальных изменений, согласно Х. Йоасу и В. Кнеблю, основана на неприятии интерпретации конфликтов как психологически обусловленных явлений, как индивидуальных ошибочных действий или даже «болезни». Это было вызвано тем, что в данной теоретической традиции состояние статус-кво в обществе рассматривалось как некая норма, а отклонения от него могли трактоваться лишь как нарушения. Для нас инструктивный характер имеет рассуждение Г. Зиммеля о том, что «все проблематичные явления заставляют нас лучше осознать то обстоятельство, сколь невообразимо противоречиво наше настоящее... Одни только филистеры могут полагать, что конфликты и проблемы существуют для того, чтобы быть разрешенными. И те, и другие имеют в обиходе и истории жизни еще другие задачи, выполняемые ими независимо от своего собственного разрешения. И ни один конфликт не существовал напрасно, если время не разрешит его, а заменит его по форме и содержанию другим» [22, с. 330].

По Л. Козеру, напомним, конфликты «очищают воздух» и могут служить предохранительным клапаном. Не каждый конфликт обязательно сопровождается выбросом агрессии, а отсутствие конфликтов вовсе не говорит о стабильности социальной системы, т. к. существуют латентные противоречия, которые могут впоследствии неконтролируемым образом выплеснуться наружу. Наоборот, открытое протекание конфликта может быть признаком стабильности. Козер утверждал, что конфликты зачастую оказывают позитивное воздействие на общества в целом, поскольку они и способствуют созданию новых правил и институтов. Если общества не допускают появления конфликтов, они в долгосрочной перспективе имеют мало шансов на выживание. Конфликт предотвращает «окаменение» социальной системы, принуждая ее к инновациям и креативности.

Рейнхард Бендикс, следуя веберовскому подходу, критикует безнадежную попытку редукции всех конфликтов к классовым – разнообразие конфликтов в социальном мире очень велико. Он показывает, что многие противоречия, порождаемые обществом, а особенно конфликты, внутренне присущие его экономической структуре, могут дать толчок коллективному действию. Исторический процесс подвергается влиянию контингентных обстоятельств, и конфликтующие группы и социальные движения всякий раз заново формируются под влиянием «локальных условий, предшествующего хода истории, остроты кризиса».

Исторические процессы в высшей степени конфликтны. Важным является центральный постулат Бендикса: «сказать, что непримиримые конфликты являются эндемической чертой общества, еще не значит заявить, что общество характеризуется постоянной нестабильностью» [20].

Ральф Дарендорф, сознательно заостряя противоречия различных концепций социальных изменений, вывел несколько «конфликтологических максим».

- Конфликт – источник прогресса, ведущий к цивилизации и в конечном счете к мировому гражданскому обществу. «Необходима как равновесная, так и конфликтная модель общества; и может быть, в философском анализе у человеческого общества всегда два лица, наделенных одинаковой реальностью: одно лицо – стабильности, гармонии и консенсуса, а другое – изменения, конфликта и принуждения» [6, с. 358].

- Автор особо подчеркивает, что «интенсивность конфликтов... снижается в той степени, в какой структура общества становится плюралистичной, т. е. обнаруживает разнооб-

разные автономные области... При напластовании различных социальных областей каждый конфликт означает борьбу за все...» [7, с. 144].

- Вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений, без намерения устранить причины. Участники должны согласиться на определенные правила конфликтного поведения, тогда регулируемый конфликт станет в известной степени смягченным и будет протекать в формах, совместимых с непрерывно изменяющейся социальной структурой. По его мнению, «тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории, тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники».

- Принципиально важным представляется указание Р. Дарендорфа на то, что причиной «структурной неспособности» общества к социальным изменениям является модернизационный дефицит, выражающийся в неспособности разрешать конфликты ненасильственным путем, и неспособность элит к конкуренции друг с другом в системе объединяющего разнообразия [5].

Таким образом, противоборства и столкновения являются постоянной характеристикой человеческой истории. Конечно, иногда конфликты удается прекратить, и в истории человечества были и будут периоды относительного затишья. Однако этот «покой» теоретики конфликта неизменно интерпретируют всего лишь как временный компромисс, как краткосрочное перемирие, потому что в конечном итоге ущемленная в своих интересах сторона никогда не согласится с неравным распределением ресурсов и благ, и вскоре конфликт вспыхнет с новой силой.

Социальный порядок – это лишь временный компромисс между сторонами конфликта, который в любой момент может быть расторгнут. Мятежи, революции и восстания – вполне нормальные события, не иррациональные всплески, а рациональные вмешательства, направленные на изменение структур социального неравенства. Однако не является ли такое представление сильным преувеличением? Ведь Георг Зиммель [8] рассуждал о том, как спор может меняться в ходе продолжительного конфликтного процесса, и как при этом меняются его участники. Противоборство необязательно заканчивается лишь временным перемирием, более или менее «нежелательным» для всех участников. Нередко в ходе конфликта имеют место процессы научения, вследствие чего конфликт утрачивает свою первоначальную остроту, а найденный компромисс воспринимается как значимый и целесообразный. Возможность трансформации конфликтов допускал и Макс Вебер. Он полагал, что найденные в ходе конфликта компромиссы могут в каком-то смысле жить своей собственной жизнью. Например, ожесточенные конфликты в сфере трудовых отношений, конфликты по поводу политических гражданских прав, равноправия женщин в семье и обществе в отдельные периоды превращались в силовое противостояние, но со временем они были юридизированы и, соответственно, в некотором роде улажены.

А компромиссы, достигнутые правовыми средствами, совершенно очевидно не могут быть недолговечными и неустойчивыми. Это связано не только с тем, что право само по себе инертно и обычно с трудом или очень постепенно поддается изменению, но и с тем, что правовая форма компромисса часто опирается на поддержку широких слоев населения, причем это касается обеих сторон изначального конфликта. В результате возникает ценностная привязанность к формуле компромисса, найденной правовым путем, и поэтому уже сложно себе представить, что конфликты вспыхнут с новой силой в прежней форме. Так происходит трансформация самой сути конфликта. Но помимо этого появляются и общественные тенденции (как, например, «юридизация»), которые бы не возникли, если бы не было этих конфликтов. Некоторые аспекты конфликта могут быть «отлиты» в определенные формы, и с этой формой компромисса могут «жить» обе стороны конфликта, поскольку с достигнутым правовым урегулированием могут согласиться все стороны конфликта.

Решающий вопрос сводится к следующему: до какой степени социальные, экономические или культурные конфликтные показатели (*conflict lines*) усиливают или нейтрализуют друг друга, тем самым смягчая сами конфликты?

Дэвид Локвуд в работе «Социальная и системная интеграция» доказывал, что триада «норма – консенсус – порядок» не противоположна триаде «власть – отчуждение – конфликт». В социальном мире эти два комплекса всегда взаимосвязаны очень специфическим и в каждом обществе совершенно особым образом. Адекватный анализ конфликтов невозможен без учета формы и развития систем ценностей – тип системы ценностей имеет решающее значение для возникновения, интенсивности и направленности потенциальных конфликтов. Кроме того, хотя социальные изменения зачастую и связаны с конфликтом, однако не все конфликты неизбежно ведут к социальным изменениям. Конфликт в социальной системе может быть эндемичным и интенсивным, не вызывая при этом кардинальных структурных изменений. Некоторые конфликты действительно приводят к социальным изменениям в значении трансформации институциональной структуры общества, а некоторые – нет.

Очевидно, нужно четко различать два комплекса проблем: имеют ли место в данном обществе борьба и конкуренция между акторами или группами и классами – это один вопрос; но приведет ли это к фактическому изменению структуры данного общества – это уже другой вопрос. Вполне возможна такая ситуация, когда в обществе существует множество противоречий или системных проблем, которые, однако, никак не проявляются на уровне действия – в этом случае мы не увидим явных протестов, открытых конфликтов, классовой борьбы и т. д. И, наоборот, в обществе могут возникать протесты и конфликты, не ведущие, однако, к изменению отношений между подсистемами общества, к изменению его общей структуры. Радикальной теории конфликта, по мнению Локвуда, не хватает понимания этого обстоятельства, вследствие чего она интересуется исключительно открытыми конфликтами и оставляет без внимания феномен системной интеграции. Она рассматривает лишь поверхностный уровень конфликтов, не поднимая вопрос о том, приводят ли эти конфликты к фактическому изменению системы, и если приводят, то каким образом, а также затрагивают ли эти конфликты элементы общественной системы и как они влияют на эти элементы.

Американский социолог Эдвард Росс, анализируя главные противоречия социума, сформулировал гипотезу перекрестного давления – несколько противоречий могут разворачиваться в полную силу одновременно, и чем они многочисленнее, тем меньшую угрозу представляет каждое из них в отдельности. Каждая разновидность конфликта противодействует всем остальным видам напряженности в обществе, если только линии их раскола не совпадают, т. к. в этом случае они усиливают друг друга... Следовательно, обществу, расколотому множеством противоречий по разным направлениям, может на самом деле угрожать меньшая опасность насилия и развала, чем обществу, разделенному лишь по одной линии. И, поскольку каждое новое расхождение способствует сужению поперечных трещин, можно сказать, что общество скреплено своими внутренними конфликтами [34, с. 371–470].

Мартин Липсет называет теорию перекрестного давления, а также теорию перекрестных линий конфликта центральной – пересекающиеся линии конфликта содействуют политической умеренности и стабильности, в то время как совпадающие линии конфликта (линии наслаиваются друг на друга и тем самым взаимно усиливаются) способствуют сильному политическому противостоянию и нестабильности. Взаимодействия же пересекающихся линий могут приводить к различным последствиям в зависимости от двух моментов, а именно: от интенсивности линий конфликта и от институциональных обстоятельств, связанных с накоплением различных позиций. Если одна линия конфликта является гораздо

более интенсивной, чем другие, всегда существует вероятность того, что вдоль других линий обнаружится низкий уровень конфликтности или даже всестороннее сотрудничество.

Чарльз Тилли, критикуя «пагубные постулаты» различных теорий социальных изменений, сформулировал следующие принципиальные выводы [15, с. 237–238].

- Общество как специфическое образование представляет собой находящуюся в постоянном движении сложную сеть многочисленных социальных отношений, с частично совпадающими, пересекающимися и накладывающимися друг на друга ячейками и узелками.

- Социальное изменение – это в реальности многочисленные фрагментарные процессы различных уровней сложности, которые протекают параллельно или в противоположных направлениях, раздельно или накладываясь друг на друга.

- При определенных обстоятельствах столкновения, коллективное насилие, протесты и т. д. являются лишь рациональными формами достижения коллективных интересов и охраны более приемлемого социального порядка.

- Социальные изменения не приводят с непреложностью к общей структурной напряженности, отклонениям, социальной патологии.

- Принуждение во имя «закона и порядка», если оно используется государством и его официальными представителями, иногда трудно отличить от преступления и разбоя, подрывающих социальный порядок. Нелегитимные формы конфликта и принуждения не всегда способствуют беспорядку, а легитимные – интеграции и контролю.

Российский экономист В. Ю. Своеволин подробно анализирует такие варианты социально-политического развития, когда в силу ряда причин институты общества развиваются по неоптимальному пути, носящему тупиковый характер [30, с. 100–112]. Аффилированные с властью группы с особыми интересами препятствуют «отбраковке» институтов, исчерпавших свой потенциал.

Это связано с культурно-историческими особенностями формирования экономической и политической систем. При этом «надзорные механизмы» блокируются и препятствуют социальным изменениям. Для обеспечения прежней эффективности влиятельные группы интересов стремятся привлечь механизмы государственного принуждения.

В этой ситуации, как подчеркивает Д. Найт, «как только государство становится фокальной точкой для конфликта по поводу институциональных изменений, институты государства сами по себе становятся новым источником конфликта. Как и другие формы социальных институтов, правила, посредством которых структурируется политическая конкуренция... влияют на распределение влияния в процессе принятия решений». Когда дисбалансы усиливаются, то вероятны следующие варианты развития: система может разрушиться; сформируется новая структура; изменится состояние, поведение и/или состав социальной системы.

Снижение эффективности функционирования социальных и политических институтов ведет к тому, что они становятся неспособными поддерживать стабильность в обществе. Стратегии разрешения конфликтов в этой ситуации заключаются в устранении существующих и потенциальных конкурентов с политической или экономической сцены путем внесения институционально-правовых изменений, направленных на формализацию правил поведения в конфликте исключительно в своих интересах, которые затрудняют или блокируют эффективное функционирование институтов конфликторазрешения.

Примерами этого могут служить: в политической сфере – повышение избирательного порога, введение различных «фильтров», в экономической – искусственное ограничение конкуренции на определенных рынках в интересах государственных корпораций, в правовой – обеспечение вынесения желаемых судебных решений при отсутствии реальной независимости судебной власти.

В результате таких стратегий конфликто разрешения обеспечивается стабильность социально-политических и экономических институтов, связанных с властными и околовластными группами интересов, но ценой является снижение общей эффективности политической системы. При этом повышается результативность личных связей как инструмента защиты своих интересов в конфликтах, что ведет к росту коррупционной составляющей. Политическое урегулирование конфликтов начинает осуществляться в «ручном» режиме, происходит стабилизация неэффективного социального порядка.

После этого краткого обзора «старых» теоретиков конфликта мы можем обсудить исследовательскую программу Никласа Лумана.

Он разработал теорию автономного развития общественных подсистем, каждая из которых обладает собственным базовым «кодом» и может развиваться вне зависимости от остальных подсистем. В тоталитарных режимах политические императивы препятствуют развитию кодов других общественных подсистем, включая экономику, право, науку и т. д. Если функциональная дифференциация общественных систем блокируется, в долгосрочной перспективе возникает нестабильность режима. Но если авторитарный режим стимулирует дифференциацию, это тоже ведет к нестабильности. Луман констатирует продуктивную роль конфликтов и противоречий (системам нужна нестабильность, иначе они закоснеют), указывая на их роль в накоплении и ускорении варьирования социальной эволюции с «помощью усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам в обществе или другими словами: благодаря отказу от экстернализации всех конфликтов, как это было характерно для сегментарных обществ». По Луману, потенциальная конфликтность – атрибутивная черта и естественное состояние всех социальных систем.

Степень актуализации конфликтного потенциала варьируется и зависит от степени дифференциации системы и ступени ее эволюции. Сам же конфликт является, в свою очередь, ресурсом коммуникативной эволюции общества. Конфликты в правовых обществах не подавляются, их не избегают, обеспечивая каждому из них подходящую форму коммуникации с целью уклонения от их насильственного разрешения.

Конфликт имеется лишь тогда, когда коммуницируется ожидание и в ответ коммуницируется непринятие коммуникации. Таким образом, конфликт является следствием неадекватных («негативных») коммуникативных ответов на вызовы, отклонения от этих вызовов и ее тематизации.

Конфликт четко отделяется от лишь предполагаемых и наблюдаемых противоположностей. Конфликт – не прерывание и не прекращение коммуникации, а ее продолжение в определенной форме. Конфликты служат как раз для продолжения коммуникации и поддержания ее открытости, в том числе через использование отказа. Логически разворачивая сложное и многозначное определение конфликта, Луман обращает внимание на его паразитический характер и формирует его понятийное ядро – *это негативная форма взаимодействия*.

Негативность конфликтного взаимодействия, как его сущностная черта, заключается, по мнению А. И. Стребкова и М. М. Алдаганова, не только в сопряженности конфликта с негативными эмоциями, но и в реализации актуального противоречия посредством разрушения, качественной трансформации статус-кво.

Таким образом, конфликты не только тестируют потенциал социально-политических отклонений, но и приводят к интеграции поведения участников.

Отмечая «возмущающее воздействие» конфликтов на социальную систему, Луман артикулирует такое их свойство, как легкость выхода из-под контроля. Подавление конфликтов с использованием насильственных действий, т. е. «чрезвычайно обременительное подавление, отклоняющее конфликты», является жизненно важной характеристикой «ранних обществ».

С возрастанием же социальной сложности, развитием политического господства, появлением легитимной силы для подавления нелегитимного насилия, способной утвердить собственный тип коммуникации, становится «возможным достижение большего числа конфликтов и большего мира одновременно», одновременно усиливая отклонение различных коммуникативных предложений и снимая с себя бремя вытекающих из этого отклонения возможных конфликтов. В качестве фундаментального социального факта Луман выделяет возможность допущения конфликтов при одновременном их притуплении за счет социального регулирования или влияния третьей стороны. С усложнением социальных систем происходит «дифференциация причин конфликтов и тем конфликтов», которые ищут для себя новые поводы. Но при этом, хотя структурный механизм запуска конфликтов и не является «разрешимой проблемой», система оказывается способной выносить конфликты, ибо дифференциация их причин помогает выявлению глубинных структурных основ «вспыхиваний» новых конфликтов.

Вопросы для самоконтроля

1. Что в научной литературе понимается под главными противоречиями, которые возникают в обществе?
2. Проанализируйте основные стратегии подходов к анализу социальных изменений.
3. Раскройте содержание понятия социального изменения.
4. Назовите типы и основные элементы социальных изменений.
5. На основе изученного материала сформулируйте причины блокировки социальных изменений.
6. Назовите основные положения конфликтологической трактовки социальных изменений.
7. Раскройте содержание «конфликтологических максим» социальных изменений Ральфа Дарендорфа.
8. Сформулируйте «пагубные постулаты» теорий социальных изменений Чарльза Тилли.
9. Проанализируйте концепцию «возмущающего воздействия» конфликтов на социальную систему Никласа Лумана.

Литература

Основная

1. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008.
2. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. – М.: Аспект Пресс, 1998.
3. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. – 1997. – № 1.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – М.: Академический проект, 2005.
5. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002.
6. Дарендорф Р. Тропы из утопии. – М.: Праксис, 2002.
7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5.
8. Зиммель Г. Человек как враг. Избранное. – Том второй. – М.: «Юрист», 1996.
9. Йоас Х., Кнебель В. Социальная теория. 20 вводных лекций. – СПб.: Алетейя, 2011.
10. Луман Н. Общество общества. – М.: Логос, 2011.
11. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998.
13. Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
14. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – СПб.: РХГИ, 2000.
15. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.
16. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2010.

Дополнительная

17. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
18. Бауман З. Мыслить социологически. – М.: Аспект-Пресс, 1966.
19. Бродовская Е. В. Коэволюция институциональных и социокультурных составляющих трансформации политической системы современной России. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2009.
20. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.
21. Гидденс Э. Социология. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
22. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014.
23. Иванов Д. В. Императив виртуализации. Современные теории общественных изменений. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
24. Ильин В. И. Феномен поля: от метафоры к научной категории // Альманах социальных исследований «Рубеж». – 2003. – № 18.
25. Ильин В. И. Феномен поля: от метафоры к научной категории // Альманах социальных исследований «Рубеж». – 2003. – № 18. – С. 29–49.
26. Малган Дж. Саранча и пчела: Хищники и творцы в капитализме будущего. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

27. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Логос, 2001.
28. Плюснин Ю. М. Скрытая социальная напряженность в российском обществе // Политика. – 2013. – № 2.
29. Сатаров Г. А. Как возможны социальные изменения. Обсуждение одной гипотезы // Общественные науки и современность. – 2006. – № 3.
30. Своеволин В. Ю. Формирование инновационной экономики в России как основы постиндустриального общества: институционально-эволюционный подход // Журнал институциональных исследований. – 2010. – Выпуск № 1. – Том 2.
31. Современная американская социология. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 83.
32. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992.
33. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. – М.: Феникс, 2005.
34. Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / под ред. С. У. Ларсена. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
35. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
36. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. – СПб.: Интерсоцис, 2009.

Лекция 4

Проблема конфликтогенности российского общества в отечественной социальной мысли

Понятие «конфликтогенность» имеет широкий смысл и характеризует различные состояния общества: наличие классовых, религиозных и межнациональных конфликтов, состояние гражданской войны и революции. В конфликтогенности выделяются субъективные – эмоциональные, волевые, рациональные и иррациональные черты характера людей, способствующие возникновению конфликтов, а также объективные предпосылки социальных конфликтов – экономические, политико-правовые, идеологические и др. Особую остроту тема конфликтогенности России получила в эпоху модернизации XIX – начала XX веков, которая сопровождалась многими социальными конфликтами. Они и стали предметом исследований ученых, представлявших главные направления общественной мысли: консерватизма, радикализма и либерализма.

Консервативные концепции разрешения социально-политических конфликтов

Отечественный консерватизм, генезис которого относится к 40-м годам XIX века, имеет следующие основные концепции: славянофильство, монархизм, евразийство. Раннее славянофильство представлено именами А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. и И. С. Аксаковых, Ю. Ф. Самарина. Главное понятие социальной философии славянофильства – соборность. Оно включает три ценности: православную веру, личную свободу и любовь, которая свободно объединяет верующих людей в Церкви. Православная церковь, согласно Хомякову, органично сочетая свободу и единство, отличается от католической и протестантской церквей. В католической церкви существует единство без свободы, а в протестантизме – свобода без единства, и только в православии принцип соборности, хотя и не осуществлен во всей полноте, но осознан как высшая Божественная основа жизнедеятельности. Состояние соборности подразумевает «оцерковление» социальной жизни, христианизацию общества. Социальным аналогом соборности выступает община, предохраняющая от проявления человеческого эгоизма, а также органическое государство, построенное на духовных началах. Следуя этому положению, личность и общество находятся во внутренней гармонии и сохраняют относительную независимость друг от друга. Духовное единство православных противостоит эгоизму либерального правового государства и мнимому социальному единству социализма, т. к. соборность признает единство не принудительное, а основанное на свободе индивида.

Славянофилы доказывали принципиальную бесконфликтность общества и государства в России. Для И. В. Киреевского русское государство основано на «общем взаимном согласии всей русской земли». Естественные простые и единодушные отношения и законы, выражающие эти отношения, вытекали из двух источников – «бытового предания и их внутреннего убеждения». И. С. Аксаков писал: «Общество есть не что иное, как народный организм в деятельном развитии, не что иное, как сам народ в его поступательном движении». Общество, по его мнению, служит не только сознательному выражению народных начал, но и внутренней целостности народного организма. К. С. Аксаков доказывал, что история России отличается от истории Европы тем, что русское государство формировалось мирным путем, для него характерны «не брань, не вражда, как это было у других народов, вследствие завоеваний, а мир вследствие добровольного призвания».

Свободное согласие было, по убеждениям славянофилов, и в основе отношений властвующих и подвластных в России. В условиях самодержавия они соединялись нравственным убеждением, а не формальной юридической нормой. Концепция неополитичности русского человека славянофилов исходила из того, что в русском обществе существовало единство верховной власти и народа при разделении их прерогатив: народу – право высказывать мнения, а власти – обязанность заботиться о благе народа. Мешала этому единству появившаяся еще в эпоху Петра Великого разветвленная и многоступенчатая бюрократия. Поэтому для предотвращения конфликтов в обществе необходимо было лишить чиновников возможности быть посредниками между верховной властью и народом и создать условия для того, чтобы общество свободно высказывало свое мнение власти. Славянофилы считали, что и борьба за права человека приводит к разногласиям, ее альтернативой должно быть решение социальных проблем на основе консенсуса. При этом они решительно выступали против крепостного права и приняли самое активное участие в борьбе за его отмену.

Ф. М. Достоевский поддерживал концепцию соборности славянофилов, но при этом не был согласен с тем, что у русского человека бесконфликтная природа. По его мнению, эта природа внутренне противоречива. С одной стороны, в ней есть место добру и отзывчивости

к другим народам. Русский человек «со всеми уживается и во все вживается. Он сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы» [2, с. 38]. К русской идее относится, по Достоевскому, и то, что простой народ жалостлив, он осуждает грех, но не самого человека и называет преступление несчастьем, а преступников несчастными. И поэтому даже закоренелые преступники не исключаются из общества, им дается шанс на исправление.

Вместе с тем, Достоевский полагал, что в русском народе скрывается и способность к бунту – «забвение всякой мерки во всем». «Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником – стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и мимолетного самоотрицания и саморазрушения, так свойственные русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни» [2, с. 108]. Причина этого заключена в невыработанности русского характера и формы поведения, т. к. русский народ молодой. Кроме того, «русские слишком богато и многостороннее одарены, чтобы, скоро приискать себе приличную форму», русская широта становится опасной при выборе между добром и злом. На усиление конфликтогенности русского народа влияют, согласно Достоевскому, и ошибки власти. Так, в «Бесах» он пишет о самовластии губернатора, который, не выслушав выборных от рабочих, пришедших жаловаться на мошенничество управляющего, отнесся к ним как к бунтовщикам. Особенности сознания радикальной интеллигенции рассматриваются Достоевским в романах «Бесы» и «Преступление и наказание» и называются в этой связи атеизмом, рационализмом и нигилизмом.

Для монархиста Л. А. Тихомирова общественная ситуация начала XX века была крайне опасной для России; в это время «вредное влияние логики бюрократического всевластия соединилось с вредным влиянием социальной расшатанности страны». В работе «Монархическая государственность» он пишет о том, что Смута затронула устои российского государства. Выходом из этого конфликта является возвращение к нравственным принципам строительства государственности. По его мнению, предрасположенность все явления жизни подчинять этике характеризует русского человека ничуть не меньше, чем его отцов и дедов. Он этичен, а поэтому способен признать над собой только власть монарха, «русский по складу своей души может быть только монархистом или анархистом». Выступая за единство верховной власти, Тихомиров был принципиальным противником западной политической демократии, разделения власти, поскольку они ослабляли власть. Сильное монархическое государство признавалось необходимой опорой социальной стабильности и нравственного воспитания.

Евразиец Н. Н. Алексеев полагает, что конфликтогенность русского человека определена объективными особенностями формирования русского государства: с одной стороны, в ней действуют силы, организующие государство, а с другой, представлены анархия, «русская вольница». Алексеев это объясняет результатом политики колонизации в России, «борьбой с Азией, приспособлением к Азии и ассимиляцией Азии». Она способствовала созданию в России военного государства для борьбы с анархической вольницей. При этом обширность территории России позволяла населению, несогласному с политикой государства, уходить на границы империи и создавать там маргинальные группы, воюющие с государством. К ним относилось казачество, которое участвовало во всех русских смутах. Своеобразием русской истории является, согласно Алексееву, то, что Смута не была попыткой организации вольницы в пределах государственного порядка, но представляла собой вечный выход ее из государства в дикое поле и темные леса. И такой смутой была революция 1917 года, где возобладали идеи вольницы, диктатуры, социального устройства земли на началах коммунизма. Возобладало то, что содержалось в идеологии казачества, сектантского земного рая, а принесенный в Россию западный марксизм нашел широкое распространение потому, что

соответствовал глубоким народным верованиям. Согласно Алексееву, «будущее принадлежит православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде» [1, с. 116].

Таким образом, в российском консерватизме феномен конфликтности российского общества получил глубокое объяснение на основе как историко-культурных предпосылок данного феномена, так и особенностей менталитета россиян. В ходе анализа отмечались социальные группы, которые способствовали усилению конфликтности (интеллигенция и бюрократия). В числе важных предпосылок конфликтности российского общества назывались и ошибки верховной власти. Консерваторы также указывали на опасные для сохранения стабильности государства идеологические течения (атеизм, либерализм, нигилизм) и предлагали власти проводить необходимые реформы для предотвращения социальных конфликтов. Вместе с тем не все консерваторы исходили из подобной логики. Так К. Н. Леонтьев и К. П. Победоносцев выступали за контрреформы, за необходимость сохранения сословного общества с традиционной культурой, за укрепление роли Церкви в обществе и за решительную борьбу с оппозицией.

Конфликтология российского радикализма

Принципиально иным образом относился к социальным конфликтам в России радикализм: если консерватизм исходил из необходимости предотвращения социальных конфликтов и борьбы с разрушительными силами в обществе, то радикализм, который был представлен народничеством и марксизмом, был последовательным революционизмом. От А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского до М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева и В. И. Ленина можно увидеть последовательный переход от философско-исторического понимания революции как естественной стороны диалектики истории к понятию насилия как средства создания социально-справедливого общества. В рамках этого понимания и террор мог быть оправдан, как меньшее по масштабам зло, применяемое для исправления общества.

С именем Герцена связано философско-теоретическое обоснование «русского» крестьянского социализма. Опираясь на диалектику Гегеля, которую Герцен назвал «алгеброй революции», он доказывал неизбежность и благотворность социальной революции, в ходе которой должно было произойти обновление общества и восстановление нарушенного единства бытия и мышления. Герцен сравнивал революционное выступление стихийных народных масс с природным катаклизмом, поскольку в обоих случаях события были неизбежны и непредсказуемы по своим последствиям. Исторический прогресс, по его мнению, подчиняется принципу полярности двух начал: сначала небольшая часть общества становится в исключительное положение, образуя монополию, а потом массы стремятся поглотить «выродивших себя», уничтожить эту монополию. Социальная революция способствует освобождению от «одного рабства после другого, пока не наступит полное соответствие разума и действительности». Конкретные исследования особенностей политических революций, породивших конституционную, парламентскую форму правления ряда западноевропейских стран, привели Герцена к неоднозначным выводам. Он признавал некоторые достижения капиталистического общественного строя, считая, что буржуазная, или, по его терминологии, политическая, республика, может быть переходной формой от монархии к «социальной» республике, но в то же время предполагал, что политическая республика – атрибут загнивающей, мещанской и индивидуалистической цивилизации Запада, уже прошедшей пик своего расцвета и приближающейся к скорой гибели. Герцен исследовал диалектику общего и особенного, национального и общечеловеческого в процессах перехода к социализму. Исторический прогресс, по его мнению, разнообразен, поскольку народы, как и люди, развиваются «в разные стороны» и по-своему участвуют в создании мировой цивилизации. Поэтому возникающие тупики всеобщей истории имеют временный характер и могут быть преодолены теми народами, которые сохранили свои жизненные силы. Россия, которую он относил к «молодым народам», способна вывести европейскую культуру из тупика социального развития, идти вместе с западными странами к одной цели, но разными путями.

Социалистичность как характерная черта жизни и психологии русского крестьянина виделась мыслителем в уникальности существующей сельской общины, городской артели и самобытной воинской организации казачества. Сохранение в русской крестьянской общине коллективного землепользования, права каждого работника на землю как на орудие своего труда и мирского самоуправления, как полагал Герцен, выгодно отличало Россию от Западной Европы, где существовали частная собственность и римское право. Именно это преимущество позволило соединить русский народный быт и западную социалистическую идею. Отсюда следовал вывод о возможности для России длительного, растянутого на десятилетия, процесса некапиталистического развития на основе соединения традиционных коллективистских институтов со свободой личности. Он считал, что в русском народе заложены способности к политическому самоуправлению, и предлагал распространить «сельское и

волостное самоуправление на города, на государство в целом». Огромным преимуществом России, по его мнению, было то, что бюрократическая по своей природе монархия не имела социальных корней и противостояла в лице своих чиновников самоуправляющемуся народу. Таким образом, государство оказывалось формой, доступной для использования разными социальными группами. «Государство не имеет собственного определенного содержания, – отмечал Герцен, – оно служит одинаково реакции и революции – тому, с чьей стороны сила».

Общепризнанным вождем народничества был Н. Г. Чернышевский. Используя гегелевский закон отрицания отрицания, Чернышевский доказывал, что историческая закономерность и промышленный прогресс создают предпосылки для перехода к более справедливой и производительной форме собственности, а именно к государственной собственности с общинным владением и общинным производством, способной не только предотвратить «язвы пролетариата», нищету трудящихся, но и содействовать росту производства. На первом этапе, по мнению Чернышевского, существовала общинная собственность на землю, т. е. землевладение еще не было связано с затратами капиталов. На следующем этапе уже предусматривались затраты личных капиталов, и поэтому земля поступила в частное владение. Чернышевский полагал, что все страны должны перейти к социализму, и в переходный период могут сосуществовать все формы собственности, конкуренция между которыми выявит преимущество общественной собственности. Россия, сохранившая крестьянскую общину, может миновать стадию капитализма, используя экономический опыт стран Запада и общинные навыки коллективного хозяйствования.

Считая крестьянскую революцию целью общественных преобразований в России, Чернышевский, вместе с тем, не верил в революционную силу крестьянства. «Масса нации, – писал он, – ни в одной еще стране не принимала деятельного самостоятельного участия в истории». В русском освободительном движении Чернышевский усматривал два этапа: 1) просвещение интеллигенцией народных масс и 2) непосредственное осуществление исторического дела, т. е. революционного свержения феодально-крепостнической системы. В последующем его политическая программа претерпела изменения – от призывов к освобождению крестьян с землей к идее насильственного уничтожения царизма и крестьянской революции после реформы 1861 года, не давшей «земледельческому населению» подлинной свободы. «Крайность может быть побеждена только другой крайностью», – писал он и делал вывод: народ не созрел для революции. Крестьяне, поднявшиеся на борьбу без руководства, не смогут добиться необходимых результатов. При этом Герцен и Чернышевский не видели в пролетариате революционную силу.

Единомышленник Н. Г. Чернышевского Н. А. Добролюбов признавал материальные интересы источником и главной движущей силой классовых борьбы в обществе, но, вместе с тем, отмечал, что дармоедство сохраняется в силу экономической зависимости «людей трудящихся от эксплуататоров». Общество справедливое, демократическое, с его точки зрения, предоставляет каждому своему члену естественное и неотъемлемое право на материальные блага, возвышает личность, делает ее счастливой, развивает в ней стремления к полезным преобразованиям и улучшениям. Если же человек ущемлен в своих правах, то он может обратиться к общему суду и получить от него согласие на восстановление социальной справедливости. Добролюбов был убежден в том, что в России только крестьянство способно озарить светлым лучом революции «темное царство» и коренным образом изменить существующие порядки. Реальные обстоятельства в жизни народа, согласно Добролюбову, уродуют, искажают его психологию, но в то же время «образовывают», революционизируют его, пробуждают в нем инициативу. В отличие от Чернышевского, связывавшего с просвещением народных масс подготовку к революционным действиям, Добролюбов считал крестьянство не только способным к революции, но и готовым в любой момент начать ее, стоит лишь организовать его «живые силы». По его мнению, ни просвещение, ни тайные организации,

ни литература не могут поднять народ против самодержавия, если он сам не почувствует потребности искоренить социальное зло. Мистически веря в потенциальную революционность крестьянства, Добролюбов вместе с тем считал, что важную роль в крестьянской революции призваны сыграть революционеры, «энергические деятели», знающие практические потребности народных масс, их «правильные стремления».

Основателем русского анархизма был М. А. Бакунин. Три основных принципа, по его мнению, составляют существенные условия всякого человеческого развития в истории как индивидуального, так и коллективного. 1) Человеческая животность, 2) мысль и 3) бунт. Первому соответствует собственно социальная и частная экономия; второму – наука; третьему – свобода. Бакунин искал смысл социально-исторического прогресса в объективных законах жизни индивида и общества, ставя в зависимость от их познания реализацию человеком своей свободы, состоящей, по его мнению, в том, что он эти законы познает и добровольно им повинуется. Во взаимной опосредованности личной свободы и коллективного начала проявлялось, по Бакунину, действие «инстинкта солидарности». Политическая доктрина анархизма базировалась на трех аксиомах: неустранимости индивидуализма государства, отрицании иерархической системы власти и идее немедленного перехода к безгосударственному обществу. Государство, доказывал Бакунин, является источником индивидуализма и бюрократизма, ибо для него жизненно важно сохранение социальных противоречий, создающих иллюзию необходимости государственной власти. Поэтому, по его мнению, требуется полное уничтожение существующего социально-экономического строя и недопустима любая политическая деятельность, поскольку она укрепляет государство. Бакунин верил в то, что «страсть к разрушению есть, вместе с тем, и творческая страсть».

Бакунизм отличался от иных течений народничества своей верой в существование «социалистического инстинкта» в крестьянстве. К положительным чертам «народного идеала» Бакунин относил: убеждение, что вся земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает; общинное право на землю; противогосударственность. Он указывал и на отрицательные стороны народного идеала, такие, как патриархальность, «поглощение лица миром», вера в Бога и царя. Бакунин был уверен, что русский народ ввиду своего нищенского и угнетенного положения всегда обладает способностью к осуществлению революции, а бунтарские инстинкты вообще присущи русскому человеку. Исходя из опыта крестьянских выступлений во времена Смуты, восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева, Бакунин предлагал организовать немедленный бунт крестьян, разночинной интеллигенции и фабричных рабочих против самодержавия. Отсутствие в России среднего класса облегчит, как он считал, совершение социальной революции. Задача революционеров, по его мнению, состоит в осуществлении «бунтовской связи» между общинами и организации повсеместного стихийного вооруженного выступления против местной и государственной власти. Особые надежды Бакунин возлагал на разбойные элементы русского народа, деклассированные слои общества, именно с ними связывая проявление свободолюбивых инстинктов крестьянства. Разбой, полагал он, является «почетнейшей формой русской народной жизни». «Разбойник – это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя <...>, боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации».

П. Н. Ткачев считал, что социальная революция в России должна быть осуществлена немедленно, поскольку для этого есть все условия: общинный уклад, отсутствие социально-экономических корней у государства и наличие «коммунистического инстинкта» у русского народа, прежде всего крестьянства. Но в отличие от Бакунина он не верил в революционную силу крестьянских масс, считал их пассивной, консервативной социальной силой. Его лозунгом был призыв к революции во имя народа, но без него. Идея насильственного уничтожения существующего государственного устройства аргументировалась им нали-

чием особого права революционеров на осознание народного идеала и его осуществление. «Ни в настоящем, ни в будущем народ, сам себе предоставленный, не в силах осуществить социальную революцию. Только мы, революционное меньшинство, можем это сделать, и мы должны это сделать, как можно скорее», – писал Ткачев.

Идеологией радикализма является марксизм. Впервые в России узнали о марксизме в начале 40-х годов XIX века, а в пореформенную эпоху марксизм стал известен широкому кругу либеральной и народнической интеллигенции. Основоположителем русского марксизма был Г. В. Плеханов, а в начале XX века концепцию марксизма развивали В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, А. А. Богданов. Спецификой социальной философии марксизма в России был классовый анализ, который исходил из неизбежности классовой борьбы и последующей мировой революции. Россия в этом контексте рассматривалась как слабое звено системы капитализма. В основе понимания конфликтогенности русским марксизмом общим было убеждение в том, что пролетариат является силой, с которой связана социалистическая революция.

Вместе с тем, в оценке конкретной революционной ситуации в России были и расхождения. Г. В. Плеханов считал, что Россия должна экономически и культурно созреть для совершения социалистической революции. Ближайшей задачей социал-демократов, по его мнению, является деятельность рабочей партии в рамках буржуазного государства, просвещение рабочих и их организационная подготовка к грядущей революции.

Другой была точка зрения В. И. Ленина. Он полагал, что Россия, являясь слабым звеном в цепи капиталистических стран, может первой начать мировую коммунистическую революцию, к которой в последующем присоединятся развитые капиталистические страны. Исходя из этого, Лениным формулировались и некоторые положения доктрины непрерывной, «перманентной» революции, предполагающей продолжение буржуазной революции за ее пределы – до совершения задач пролетарской революции. Данная стратегия, сформулированная в работах «Империализм как высшая стадия развития капитализма», «Государство и революция», исходила из наличия в России конфликта между пролетариатом и верховной властью, когда «низы не хотят подчиняться и верхи не могут управлять по-старому». Марксизм в российском обществе находил сумму феодальных сословных конфликтов и классовых конфликтов буржуазного общества, что усиливало конфликтогенность.

В контексте конфликтологии радикализма определенный интерес вызывают исследования Якова Лазаревича Юделевского (псевдоним – Ю. Делевский). В 1908–1909 годах он издавал в Париже газету «Революционная мысль», где ставил задачи – «развитие теории и практики активного действия революционного меньшинства, пересмотр теоретического миросозерцания, перевоспитание и реорганизация партии». Юделевский также сотрудничал с журналом «Русское богатство», в котором поместил ряд статей, переизданных в 1906 году в виде брошюр «Диалектика и математика», «К вопросу о возможности исторического прогноза», «Исторический материализм в его логической аргументации». В 1910 году он выпустил книгу «Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории», которая была написана в контексте научной конфликтологии. В своих работах он раскрывает широкий исторический фон формирования конфликтов, проводя их конкретную и всестороннюю историческую типологизацию: по числу участников, характеру, форме и содержанию, выделяет внутригрупповые, межгрупповые, классовые, религиозные, гендерные, национальные и иные конфликты, а также конфликт между обществом и природой. Конфликты, согласно Юделевскому, могут быть не только антагонистичны, но и отражать некоторое внутреннее единство отношений, т. е. приобретать характер закономерных противоречий, обусловленных формированием новых ценностей и отношений. В конфликте необходимо видеть отражение диалектики бытия и социальных процессов, проявление некоторых существенных тенденций прогрессивного и противоречивого развития общества.

Российская конфликтогенность в либеральной парадигме

Идейной и практической альтернативой концепциям консерватизма и радикализма в России был либерализм. В развитии либерализма выделяются несколько этапов: дореформенный – западничество, пореформенный – концепции Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовского и либерализм начала XX века Б. А. Кистяковского, П. И. Новгородцева, Е. Н. Трубецкого, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, П. Б. Струве. Основные ценности либерализма включали принцип защиты прав и свобод личности, частной собственности, концепцию правового демократического государства, конституционализма и рыночной экономики. В понимании конфликтогенности либерализм исходил из необходимости предотвращения политических конфликтов на основе политической демократии, правовых механизмов, разделения властей, допуская при этом начало соперничества, конкуренции в экономике. В борьбе с революционизмом левых и консерватизмом правых либералы зачастую стремились «стоять над схваткой».

В рамках единой парадигмы либерализма существовали теории «мужицкого царства» К. Кавелина, «правовой монархии» Б. Чичерина, «Великой России» П. Струве, социального либерализма Б. Кистяковского. Теоретики русского либерализма претендовали на создание идеала, связанного с глубинными тенденциями развития общества и являвшегося альтернативой консерватизму и радикализму. Для этого следовало, по их мнению, изучить общество в реальности всех его отношений, а общественный идеал понять как закономерный и специфический продукт духовной деятельности личности, опосредованный достигнутым уровнем развития материальной и духовной культуры. Тем самым объективные социально-исторические формы бытия идеала и его религиозные, нравственные и субъективные предпосылки получали гносеологическое обоснование. Реализация идеала происходит в процессе внутреннего, духовного преобразования личности и совершенствования государственных учреждений. Внутренняя связь высших целей и практических средств объективируется в ходе исторического прогресса и проявляется в творческой деятельности личности.

Реальность содержания либерального идеала определялась метафизической свободной природой человека, берущей свои истоки в религиозно-нравственной сущности личности. Этическая свобода личности, высшим выражением которой была свобода совести, признавалась первичной по отношению к социальной свободе. Гуманистический смысл общественного идеала либерализма проявился в понимании человека абсолютной целью общественной эволюции, а обеспечение прав личности стало смыслом исторического прогресса. К последним относились: право на свободу мысли в политике и культуре, право собраний и объединений в общественные и политические организации, право собственности и принцип неприкосновенности личности. Русские либералы отстаивали право человека на выбор тех или иных форм государственной жизни и политического устройства. Согласно Чичерину «цель человеческих союзов – благо членов, а не польза хозяина». Этизация общественного идеала отражала антиабсолютистские идеи либерализма и ставила целью защиту личной жизни человека от посягательств на нее со стороны государства и чиновно-бюрократической регламентации. Политическая философия либерализма, «охранительная» по своей сути, объединяла принципы договорного общества и творческой эволюции и исходила из представления об объективном процессе взаимовлияния культур народов. Поэтому казалось допустимым и в некоторых случаях необходимым использование опыта других народов для совершенствования отечественных политических учреждений и форм правления. Вместе с тем признавалось необходимым учитывать «бессознательные тенденции истории» – нацио-

нальный быт, религиозные верования, экономические условия, предрассудки, нравы и обычаи при осуществлении социально-политических реформ.

Своеобразие либерализма выразилось в политическом идеале, интегрирующем «патриархально-отеческую» модель отношений между властью и подданными с принципами правового государства. Либералы призывали к примирению начал власти и закона с началами свободы, ссылаясь на традиции особых отношений между монархом и народом в истории русского государства и на прогрессивную роль монархии в преобразованиях русского общества. «Власть и свобода также неразрывно связаны, как неразрывно связаны свобода и нравственный закон» (Б. Н. Чичерин). Властители и подданные должны были пойти на взаимные уступки. Государство, руководствуясь принципом «либеральные меры и сильная власть», разрешить обществу выражать свое мнение и иметь политические партии, тем самым добровольно ограничив свою власть. А «общество» должно было осознать свою ответственность перед страной, терпеливо и настойчиво добиваться необходимых реформ. Нравственное оправдание власти требовало от личности понимания своего долга перед государством и предполагало воспитание политического разума у индивида – гражданина своего отечества. Государственное и национальное начала сливались воедино в личности и культуре, образуя идеал новой государственности, опирающейся на политические и культурные традиции страны.

Объединяло либералов пристальное внимание к праву. Историческое понимание права и правовое измерение истории создавали особое мировоззренческое пространство либерального мышления. Легализм проникал в содержание философии русского либерализма, который с развитием правосознания связывал совершенствование государственности. Классик охранительного либерализма Б. Н. Чичерин писал: «право есть свобода, определяемая законом» [5, с. 80]. Право виделось посредником между нравственностью и политикой, личностью и властью, представлялось идеальным средством организации самоуправляющегося на основании закона государства. Идеал правового государства в русском либерализме стал практической целью реформы государственности и изменения его бюрократической сути. Для этого требовалось не только формально-демократическое волеизъявление общества, но и нравственное санкционирование народом власти. Это понимание выходило за концептуальные рамки западноевропейского этатизма и отражало укоренившееся в политической мысли России понятие государства, построенного на началах справедливости и правды. В основные признаки такого государства включалась обязанность государства по созданию необходимых условий для полноценной жизни человека и гарантии достойного человеческого существования.

Трансцендентально-динамический идеал либерализма нашел свое соответствующее теоретическое выражение в историческом эволюционизме и политическом прагматизме. «Общественные учреждения не составляют для человека абсолютной цели, но она является для него необходимым и незаменимым средством для того, чтобы идти по пути нравственного прогресса» [4, с. 44]. На разных этапах российской истории либерализм пытался открыть законы эволюционного развития общества, желая подчинить социально-политическому контролю стихийные общественные процессы. В идейно-политической борьбе с радикальными и реакционными партиями политики-либералы искали «золотую середину» в решении социальных проблем, исходя из конструктивного, мирного решения общественных конфликтов. По этой же причине казался неприемлемым революционный путь общественного развития, чреватый непредсказуемостью социальных последствий. «Революции в обществе – то же самое, что в природе грозы и бури, а в организме острое заболевание» (Н. И. Кареев). По его мнению, революции, решая некоторые социальные проблемы, приводят к борьбе за власть различных партий и групп, хаосу и гражданской войне. Не отрицание и разрушение государства, а его совершенствование – таково было кредо либерализма. Вера

в «эволюцию сверху» подкреплялась прошлым историческим опытом: реформами Петра I, Екатерины II и отменой крепостного права, проведенной Александром II. Либералы были монархистами, но только в той мере, в какой верили в прогрессивную роль верхов в предстоящей реформе.

Социально-экономическая программа либерализма отличалась своей обращенностью к реальной прагматике жизни и предусматривала меры по переходу к свободной от феодальных пережитков капиталистической экономике, развитию торговли, обмена и городской промышленности. Отмена крепостного права должна была постепенно преобразовать сословное общество в гражданское, социальной опорой которого были бы средние слои, образующиеся из личных дворян, купцов и разбогатевших крестьян. В рамках либерального движения родились идеи конституционализма, земства и культурничества, сформировались первые политические партии, давшие импульс к созданию предпосылок правового государства. Они исходили из политического плюрализма и партийной борьбы, они развивали принципы состязательного правосудия, создавали институты адвокатуры.

Н. А. Бердяев в работе «Душа России» развивает гендерную философию антиномизма русской души. И выделяет следующие антиномии: бюрократической государственности и анархии, национализма и безнациональности, святости и атеизма, личной свободы и подавления личности в государстве и коллективе. Согласно Бердяеву основа данных противоречий заключена в «несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере». В истории России мужественное начало всегда ожидалось извне, а личное начало не раскрывалось в самом русском народе. Выходом из этого является «раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного светящего сознания». Бердяев раскрывает и такую предпосылку русского радикализма, как отсутствие интереса у русского человека к развитию срединной культуры. В своем стремлении к абсолютным ценностям русский человек равнодушен к ценностям обычной земной жизни, и разочарование в абсолютных идеалах приводит его к бунту.

С. Л. Франк раскрывает культурно-онтологические причины русской революции и называет главные: нравственная слабость, безответственность и непоследовательность двух главных идеологий – русского консерватизма и либерализма – в борьбе с нигилизмом. Государственная неопытность либералов и романтизм консерваторов помешали выработаться прочной политической демократической культуре. Франк полагает, что на распространение нигилизма решающим образом повлияло и то, что религиозный дух давно перестал «укреплять народ в его будничной трудовой жизни», здоровый реалистический инстинкт народа оторвался от духовного корня.

Таким образом, в отечественной социальной мысли присутствует различное понимание особенностей и факторов конфликтогенности российского общества. Консерваторы, радикалы и либералы анализировали политико-правовые, социокультурные и ментальные предпосылки конфликтогенности и в ряде случаев адекватно определяли предпосылки социальных конфликтов российского общества. Но при этом отечественные исследователи расходились в их оценке. Если революционеры считали конфликты необходимыми для социального прогресса и поэтому разрабатывали теорию и практику социальной революции для достижения идеала социализма, то консерваторы и либералы решительно осуждали революционный путь социального прогресса и защищали идеалы самодержавия (консерваторы) или правового государства (либералы). Данные идеалы кардинально различались и противостояли друг другу, что во многом вызвали революционные события начала XX века.

Вопросы для самоконтроля

1. Раскройте особенности концепции неполитичности русского народа славянофилов.
2. Каковы историко-культурные предпосылки российской революции в концепции Н. Н. Алексева?
3. Определите предпосылки и содержание концепции социалистической революции в России А. И. Герцена.
4. Назовите особенности концепции непрерывной революции по В. И. Ленину.
5. Объясните отношение русских либералов к истокам социальных конфликтов в России.

Литература

Основная

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998.
2. Достоевский Ф. М. Политическое завещание: Сб. статей за 1861–1881 гг. / Составитель С. М. Сергеев – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
3. Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. – М.: Изд-во политической литературы, 1985.
4. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М.: Изд-во «Пресса», 1991.
5. Чичерин Б. Н. Философия права / под ред. И. Д. Осипова – СПб.: Наука, 1998.

Дополнительная

6. Аксиология российского конституционализма. Колл. монография / под ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. – СПб.: СПбГУ, 2012.
7. Кагарлицкий Б. Ю. Политология революции. – М.: Алгоритм, 2007.
8. Консерватизм: перспектива или альтернатива? / Отв. ред. Ю. Н. Солонин; науч. ред. И. Д. Осипов. – СПб.: СПбГУ, 2010.
9. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. – М.: РОССПЭН, 2001.
10. Кузьмин А. Г. Леворадикальная политическая мысль в России конца 60-х – начала 80-х годов XIX века. – Сыктывкар, 2008.
11. Философия российской государственности. Колл. монография: В 2-х т. / под ред. С. И. Дудника, А. Х. Даудова, И. Д. Осипова. – Т. 1. – СПб.: Философское общество, 2013.

Лекция 5

Особенности и конфликтогенный характер постсоветских трансформаций

Понятие социальной трансформации. Основные подходы к исследованию посткоммунистических трансформаций

Мы отмечали, что социальные изменения приобретают разнообразные конфигурации. Для их анализа используется нейтральный, свободный от ценностной нагруженности концепт – концепт трансформации. Так, известный российский специалист в области политической конфликтологии А. В. Глухова под трансформационным процессом понимает качественную смену социальной системы (ее подсистем), предполагающую любой, в том числе и инволюционный вектор изменений, которая не заканчивается переносом формальных атрибутов вновь вводимой системы на новую почву, а предполагает принятие акторами в трансформирующихся обществах новых системообразующих правил и утверждение их в повседневности.

Социальная трансформация – процесс структурных изменений общественного состояния, одна из наиболее значительных форм его изменений, в которой происходят изменения самой социальной системы, а не только ее отдельных компонентов [27, с. 262–264].

Т. И. Заславская понимает трансформацию как радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы общества, В. А. Ядов – как преобразование общества, отличающееся национально-культурным своеобразием. В позиции Н. И. Иконникова ключевой характеристикой является быстрое, внешнее, поверхностное изменение социальности посредством внедрения в нее чужеродных элементов, выдаваемых за необходимые основания, и сопровождаемое нарастанием негативных явлений.

По мнению Т. И. Заславской, к отличительным чертам социальной трансформации общества относятся:

- постепенность и относительно мирный характер протекания;
- направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социетальный тип общества;
- принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп;
- слабая управляемость процесса, важная роль стихийных факторов его развития, непредрежденность его итогов;
- неизбежность, длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых. В ходе социальной трансформации меняется социетальный тип общества, она реализуется через изменение: а) системы базовых общественных институтов, б) социальной структуры и в) человеческого потенциала общества, которые связаны друг с другом сложными механизмами.

Иосиф Дискин характеризует процессы трансформации как качественные социокультурные изменения в моделях социальной деятельности, соответствующие перемены в основаниях и характере функционирования социальных институтов. Он отмечает двухмерность с трансформации: в процессе общественных изменений происходит не просто возникно-

вание и институализация тех или иных элементов – локального, национального, глобального масштаба – культуры и социальной структуры, но также закрепление последних в качестве таких социокультурных стандартов, которые обуславливают социальную деятельность, направленную на усвоение (консолидацию) или, напротив, отрицание новационных явлений. Таким образом, трансформация – «взаимно стимулирующие изменения моделей социального действия, с одной стороны, и функционирования социальных институтов, связанного с намеренным, целенаправленным воздействием номинальных установлений (формальные нормы, процедуры или правила), – с другой» [22, с. 5].

Понятие трансформации отвергает телеологическую интерпретацию процесса и фиксирует моменты многовариантности, непоследовательности и неопределенности результатов политического развития. Акцент делается на том, что конечный результат процесса нельзя рассматривать в качестве предопределенного. Содержание понятия «трансформация» включает такую характеристику, как непредсказуемость результатов развития, поскольку в ходе масштабных перемен последние также постоянно меняются, подвергаясь процедуре корреляции с конкретными социально-экономическими, политическими, национальными и другими характеристиками трансформирующегося общества.

При этом вектор трансформации, по мнению Н. И. Лапина, «тем менее определен, чем радикальней ее характер и чем на более ранней стадии она находится» [28]. Непредсказуемость означает, что в результате трансформации появляются новые социальные формы и связи, новые структуры и новые правила.

Хотелось бы специально подчеркнуть подход О. В. Гаман-Голутвиной, определяющей трансформацию как «комплексное целенаправленное преобразование общества в качестве целостной социальной и культурной системы, приобретающей в процессе изменений новые структурные элементы, которые, в свою очередь, задают и определяют соответствующие им типы социальных действий» [15, с. 333].

Таким образом, трансформация – сложный комплекс институционально-процессуальных изменений, это:

- целерациональное изменение номинальных установлений (формальных норм, процедур, правил), отражающихся на механизме функционирования институтов общества;
- смена моделей культурной, социально-экономической, политической *деятельности* людей.

Используя анализ российских исследователей В. Я. Гельмана и А. Ю. Мельвиля [8, 19], зафиксируем, что концепции посткоммунистических трансформаций, в зависимости от того, какое значение они придают «объективным» предпосылкам, классифицируют на 1) «структурные», или «функционалистские», и 2) «процедурные», или «генетические».

Для «структурного» подхода социально-экономические и культурно-ценностные предпосылки и условия носят определяющий характер, в то время как «процедурные» подходы концентрируются на особенностях и последовательности конкретных решений и действий, осуществляемых ограниченным кругом инициаторов и непосредственных политических участников процесса трансформации.

В «структурном» подходе в литературе выделяют следующие основные модели аргументации:

- главным условием демократии является формирование эффективной государственности, государственного единства и национальной идентичности;
- возможно внешнее навязывание («содействие развитию») демократических институтов при отсутствии состоятельного государства;
- условием демократии являются относительно высокий уровень экономического развития и политическая культура «гражданского» типа межличностное доверие, поддержка демократических институтов, признание индивидуальных прав и свобод, политическая тер-

пимость, чувство индивидуальной политической «эффективности», отсутствие в обществе непримиримых или острых расколов – социальных, этнических, религиозных, территориальных и др., а также чрезмерной фрагментации и сегментации общества;

- экономическое развитие не должно основываться на ресурсной модели государства-рантье;
- благоприятными условиями для демократии являются религиозные традиции протестантизма и католицизма, религиозная культура ислама препятствует демократизации, а православие, буддизм и конфуцианство обладают «двойственными эффектами»;
- характеристиками стабильной и эффективной демократии являются качество институтов и отсутствие в обществе чрезмерного имущественного неравенства.

Слабость структурного подхода состоит в том, что в нем раскрываются не обязательные предпосылки, а лишь факторы, благоприятствующие либо затрудняющие процесс посткоммунистической трансформации. В частности, практика их осуществления демонстрирует, что отсутствует прямая корреляция с наличием и массовым распространением в обществе каких-либо специфически демократических ценностей и ориентаций. Напротив, посткоммунистические переходы носят по преимуществу эндогенный характер и являются скорее результатом определенных решений и выбора политической тактики и стратегии ключевыми политическими акторами. «Объективные» факторы и предпосылки складываются десятилетиями и проявляются на достаточно большом временном интервале, в то время как процесс перехода протекает значительно быстрее.

Поэтому «процедурный» подход, ориентированный на анализ действий акторов в ходе трансформации, призван исправить недостатки «структурного» детерминизма.

Данный актор-ориентированный подход делает упор на субъективные факторы, влияющие на характер и направленность трансформаций, исходит не из «органистического» представления, а из конструктивистской установки – процессы трансформаций можно «сконструировать» по определенным «лекалам».

Основные факторы, которыми сторонники представленного подхода объясняют траектории посткоммунистических трансформаций следующие:

- характер и особенности «выхода» из авторитаризма;
- роль и влияние институционального дизайна, избираемого для новой политической реальности, форма правления, характер партийной и избирательной систем;
- система взаимодействий между ключевыми политическими акторами;
- особенности конфликта элит – смена или сохранение старых элит в каких-либо «превращенных формах»;
- уровни реальной и неформальной политической конкуренции, прежде всего на выборах главы государства и законодательных органов;
- отношение власти к политическому плюрализму;
- использование властью или оппозицией насилия для достижения политических целей и результатов;
- наличие эффективных институциональных ограничителей социальных и политических конфликтов.

Описанные выше два теоретико-методологических подхода представляют собой альтернативные объяснения посткоммунистических трансформаций. Однако в современной литературе все чаще анализируются такие явления, как «демократический откат», «диффузия авторитаризма», «демократическая стагнация», «постдемократия», «аудиторная демократия».

Одни страны в процессе посткоммунистических трансформаций вполне преуспели в демократическом строительстве. Другие – с помощью «демократических» реформ лишь пытались добиться инвестиционных и политических преференций у западных партнеров.

Между этими двумя крайностями – самые разные модели политических трансформаций с противоречивыми и «гибридными» результатами.

Концептуализация посткоммунизма осуществлялась не только в русле «транзитологических теорий», выявляющих общую логику переходов от авторитаризма к демократии, но и в русле его многомерного описания в рамках разных теоретических моделей. Ярким представителем этой точки зрения является бывший посол США в России Майкл Макфол, полагающий, что в случае посткоммунистических трансформаций базовые послышки транзитологической модели не работают.

Сравнительный анализ трансформационных процессов и траекторий изменений позволил ряду исследователей дифференцировать их на три группы (табл. 5.1).

Таблица 5.1. Различия общесистемных трансформаций по группам стран [41]

Группы Индикаторы	I группа (центральная Европа)	II группа (балтийские государства)	III группа (балканские государства)
1. Политика и государство			
1.1. Выход из социализма	Стремительное разрушение политического фундамента	Почти внезапное обретение независимости	Революции
1.2. Политическая эволюция	Консолидация демократических сил, сменяющихся их коалициями	Консолидация, этническая идентификация и разделение на этносы	Жесткие программы национального строительства, этнические конфликты
1.3. Легитимность государственной власти	Скорее прочная	Надежная для граждан и скорее ненадежная для неграждан	Становящаяся
1.4. Жесткость государственного контроля	Достаточно сильная	Достаточно сильная	Слабая
1.5. Коррупция и преступность	Средняя	Средняя, в некоторых секторах высокая	Высокая

1.6. Региональная дифференциация	Ограниченная	Почти нет	Сильная раздробленность
2. Институциональные и организационные изменения			
2.1. Введение новых формальных правил	Правила строгие, но быстро меняются	Правила строгие, но быстро меняются	Быстрое и широкомасштабное. Правила скорее мягкие и часто меняются
2.2. Приватизация	Достаточно быстрая, основывающаяся на законе	Достаточно быстрая, основывающаяся на законе	Постепенная и слабо охраняемая законом
2.3. Новые формы собственности	Многообразные, часто смешанные	Господство финансово-промышленных групп	Многообразные и непрозрачные
2.4. Организационные изменения	Экспансия структур малого бизнеса (часто микрофирмы), философия западного менеджмента	Реструктуризация бывших госпредприятий	Медленная реструктуризация бывших госпредприятий
2.5. Сети социальных взаимосвязей	Приспособление к новым условиям	Приспособление к новым условиям	Существование унаследованных и новых
3. Макроэкономические тенденции			
3.1. Экономический рост	После 1994 года слабый, но устойчивый	После обвально-го спада слабый рост	Длительный кризис, крайне медленное восстановление
3.2. Безработица	Стабилизировалась на уровне ЕС	Стабилизировалась на уровне ЕС	Высокая, структурная
3.3. Инфляция	Сохраняется относительно высокая	Умеренная	Затяжная мегаинфляция

3.4. Иностраннные инвестиции	Значительные (германские и других стран ЕС)	Умеренные из ФРГ, торговля со скандинавскими и странами ЕС	Устойчиво низкий уровень и растущая зависимость от ЕС
4. Социальные тенденции			
4.1. Социальное неравенство	Медленный, но устойчивый рост	Высокое	Очень сильное
4.2. Динамика народонаселения	Падение рождаемости, рост смертности	Падение рождаемости, проблемы мигрантов	Умеренное снижение рождаемости и эмиграция
4.3. Социальная защищенность	Существенная, почти устоялась	Стабилизировалась на низком уровне	Нестабильное ухудшение
4.4. Состояние политических элит	Дифференциация	Дифференциация (этнический изоляционизм)	Сильное пересечение

В работах В. М. Сергеева предлагаются два различных идеальных типа, которым соответствуют процессы становления институтов демократии – «органический» (североевропейский) и «конфликтный» (т. е. через столкновение власти с обществом).

«Конфликтный» путь, являясь путем проб и ошибок, характеризуется попытками обретения властью легитимности через заключение случайных рамочных моделей соглашений с обществом. Каждый раз очередные рамочные соглашения устанавливаются «сверху», вне зависимости от того, в какой форме произошла утрата легитимности предыдущей властью – в результате восстания или массового гражданского неповиновения и развала властных структур. Установление «сверху» – становление принципов социального порядка без «глубоких» переговоров с совместным исследованием основными политическими силами общества последствий установления такого порядка.

На этом пути практически неизбежна периодическая утрата властью легитимности и соответствующие социальные коллизии. «Рамочные модели» часто не работают из-за шокового расширения политического участия населения.

«Конфликтный» путь исходно заменяет реальный поиск консенсуса предложением набора плохо функционирующих макроуровневых институтов – достаточно упомянуть заключаемые в феврале 2014 года украинской властью и оппозицией различные соглашения. Они не сработали из-за шокового расширения политического участия населения. В процесс создания политических институтов были вовлечены массы людей, лишенных «операционного опыта» решения сложных социальных проблем. Они предпочли сложному процессу институционального строительства системы переговоров между группами населения, обладающими реальными ресурсами, радикальные и простые решения, последствия которых нигде не обсуждались.

Исследователи выделяют следующие тенденции «конфликтного» развития:

- отсутствие развитой культуры переговорных практик, обеспечивающих канализацию социальных конфликтов в русло цивилизованной парламентской политической борьбы;

- существенные разрывы в социально-политическом и экономическом положении различных социальных акторов, которые препятствуют становлению в обществе горизонтальных связей и устойчивых каналов урегулирования конфликтов;

- отсутствие или слабая развитость «рациональной» (в веберовском смысле) бюрократии, ориентированной на минимизацию харизматического вмешательства государства в жизнь населения и на переговоры с ним;

- слабое развитие политической культуры, ориентированной на органичную стабильность формальных институтов и традиций политических систем, ориентированных на преодоление конфликтных разрывов в обществе и реализацию рационально спроектированных моделей конфликторазрешения;

- сильные разрывы между различными ценностными ориентациями социальных слоев, неразвита система переговоров между ними, слабая развитость политических институтов мирного разрешения конфликтов между различными силами;

- основной силой для нейтрализации социальных конфликтов является государство,¹⁰ внедряющее «сверху» на макроуровне институты конфликторазрешения, которые зачастую вступают в противоречия с институтами более низких уровней или институтами в других сферах. Для различных социальных акторов создается ситуация «дилеммы заключенного»,¹¹ что усиливает конфликтность и асоциальное поведение.

Таким образом, особенности конфликтных моделей посткоммунистических трансформаций обусловлены различиями:

- исторического прошлого, исторических моделей развития, специфических стартовых условий;

- баланса государственно-центричных и этноцентричных. Первые характерны для обществ, в которых жива память об их суверенных государствах: Польша, Венгрия и Чешская республика. Этнические ценности актуализированы в обществах с относительно молодой государственностью: Македония, Словакия, Украина, Хорватия;

- интенсивности конфликта элит (единство или раскол); согласие элит и граждан в целесообразности и методах реализации политики реформ;

- способности властей к управлению конфликтами и удержанию социального контроля в обществе и недопущению гражданского противостояния;

- стратегических позиций, связанных с ориентацией либо на сотрудничество с «мировым сообществом», либо на «балансирующее» противостояние ему в отстаивании национальных особых интересов;

- наличием либо отсутствием мобилизующей и вдохновляющей все слои населения общенационально принятой программы действий;

---

¹⁰ Речь идет о специфике отношений так называемого «сильного» государства, то есть мощного институционально-символического центра и «слабого» общества с неразвитыми автономными институциональными пространствами.

¹¹ Дилемма заключенного – одна из наиболее распространенных конфликтных ситуаций, рассматриваемая в теории игр. Классическая «дилемма заключенного» звучит следующим образом: двое подозреваемых, А и В, находятся в разных камерах. Следовательно, навещая их поодиночке, предлагает сделку следующего содержания: если один из них будет свидетельствовать против другого, а второй будет молчать, то первый заключенный будет освобожден, а второго осудят на 10 лет. Если оба будут молчать, то отсидят по 6 месяцев. Если оба предадут друг друга, то каждый получит по 2 года. Каждый из заключенных должен принять решение: предать подельника или молчать, не зная о том, какое решение принял другой. Дилемма: какое решение примут заключенные? Наилучшей стратегией игроков будет кооперация, при которой оба молчат и получают максимальный выигрыш (меньший срок), каждое другое решение будет менее выигрышным. Это типичный случай ненулевой игры, ибо в нем отсутствует отдельный «рациональный» результат. Следование каждым игроком личной выгоде приводит к неэффективному для группы результату. Р. Аксельрод сформулировал основные принципы, которым необходимо следовать, решая дилемму заключенного: 1) не предавать первым; 2) отвечать взаимностью как на предательство, так и на сотрудничество; 3) быть предсказуемым; 4) не пытаться набрать больше очков, чем оппонент.

- однородность или неоднородность этнического состава населения (этническое и языковое единство минимизируют вероятность межэтнических конфликтов и укрепляет социальный порядок);

- генетической политической и исторической «конфликтности совмещения» национальных традиций и местных исторически сложившихся институциональных форм с заимствованием импортируемых западных институциональных образцов социального устройства; комбинаций заимствуемых институциональных традиций и собственных культурно-исторических особенностей;

- моделей конфликтов стилей жизни, личных социальных капиталов, т. е. исторически унаследованного репертуара культурных правил и культурных практик демократических и рыночных институтов.

Таким образом, специфика национального исторического пути, институциональные и поведенческие традиции определяют *конфликтную модель общества* – сложное переплетение всей совокупности национального институционального контекста конфликтов и некоего своеобразия их формы. Специфика конфликтов связана с долговременными процессами, а национальный конфликтологический дизайн социальных трансформаций обладает такой интегральной характеристикой, как стиль («форма», «образ» «интенция», «тенденция»), позволяющей распознавать, описывать и оценивать национальную конфликтную ситуацию в целом и выявлять содержательное разнообразие самих внутренних конфликтных связей.

Функциональная роль конфликтов как механизма трансформации. Теории болезненности посткоммунистических трансформаций

Мы уже отмечали, что трансформация – сложный комплекс институционально-процессуальных изменений.

В силу этого процессы социальной трансформации являются наиболее сложными, противоречивыми и конфликтогенными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.